
ЕВРАЗИЙСКИЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

№1 январь, 2026

Ежемесячное научное издание

«Редакция Евразийского научного журнала»
Санкт-Петербург 2026

(ISSN) 2410-7255

Евразийский научный журнал
№1 январь, 2026

Ежемесячное научное издание.

Зарегистрировано в Федеральной службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций
(Роскомнадзор).

Свидетельство о регистрации средства массовой информации
ПИ №ФС77-64058 от 25 декабря 2015 г.

Адрес редакции:
192242, г. Санкт-Петербург, ул. Будапештская, д. 11
E-mail: info@journalPro.ru

Главный редактор Золотарева Софья Андреевна

Адрес страницы в сети Интернет: journalPro.ru

Публикуемые статьи рецензируются
Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов статей
Ответственность за достоверность изложенной в статьях информации
несут авторы

Работы публикуются в авторской редакции
При перепечатке ссылка на журнал обязательна

© Авторы статей, 2026
© Редакция Евразийского научного журнала, 2026

Содержание

Содержание	3
Экономические науки	4
ПРОФИЛАКТИКА ИНСУЛЬТА КАК ОБЪЕКТ УПРАВЛЕНЧЕСКИХ РЕШЕНИЙ В ЗДРАВООХРАНЕНИИ	4
Нейромаркетинг в B2B-секторе: применение принципов поведенческой экономики в переговорах и построении долгосрочных партнерств	7
Юридические науки	11
Принцип <i>ultima ratio</i> в сфере уголовно-правового регулирования предпринимательства: пути реализации в нормах об ответственности за незаконное предпринимательство на современном этапе развития законодательства Российской Федерации	11
Кадровая политика и кадровая работа в органах местного самоуправления	16
Социологические науки	19
Факт как социальный якорь доверия: фокусированный социологический анализ публичных интерпретаций	19
Архитектура	42
Современная тенденция производства судебных строительно-технических экспертиз, связанных с самовольным строительством на территории Краснодарского края	42
Физико-математические науки	47
Гравитационные волны как инструмент современной экспериментальной физики	47

ПРОФИЛАКТИКА ИНСУЛЬТА КАК ОБЪЕКТ УПРАВЛЕНЧЕСКИХ РЕШЕНИЙ В ЗДРАВООХРАНЕНИИ

Кондыбаева Аида Муратовна

Студент 3 курса,

Специальность "8D04112 – DBA

Деловое администрирование в здравоохранении"

Казахский Национальный Университет им.аль-Фараби,

Алматы, Казахстан

Kondybayeva Aida Muratovna

3rd-year student,

Specialty "8D04112 – DBA

Business Administration in Healthcare",

Al-Farabi Kazakh National University,

Almaty, Kazakhstan

АННОТАЦИЯ

Инсульт остается одной из ведущих причин смертности и инвалидизации, формируя значительное бремя для систем здравоохранения. В статье профилактика инсульта рассматривается как объект управленческих решений. Использован аналитический подход, основанный на обзоре международных стратегических документов и научных публикаций. Показано, что фрагментарный характер профилактических мероприятий снижает их эффективность. Обоснована необходимость перехода к системной модели управления профилактикой инсульта, ориентированной на измеримые популяционные результаты и устойчивое использование ресурсов.

ABSTRACT

Stroke remains a leading cause of mortality and disability, imposing a substantial burden on healthcare systems. This article examines stroke prevention as an object of managerial decision-making. An analytical approach based on a review of international strategic documents and academic literature was applied. The findings indicate that fragmented preventive measures limit effectiveness. The study highlights the need for a systemic, outcome-oriented management model of stroke prevention focused on sustainable resource use.

Ключевые слова: профилактика инсульта, управление здравоохранением, управленческие решения, популяционный подход, первичная медико-санитарная помощь.

Keywords: stroke prevention, health economics, population-based strategies, return on investment, DALY, QALY, healthcare management

Введение

Инсульт является одной из ключевых проблем общественного здравоохранения, оказывая значительное влияние на показатели смертности, инвалидизации и устойчивость систем здравоохранения. По данным Всемирной организации здравоохранения и проекта Global Burden of Disease, инсульт стабильно входит в число ведущих причин утраты лет жизни с поправкой на инвалидность и требует значительных финансовых и организационных ресурсов [1–3]. В этих условиях профилактика инсульта рассматривается как одно из наиболее перспективных

направлений снижения бремени заболевания. Однако на практике профилактика часто реализуется в виде отдельных мероприятий, не объединенных единой управлеченческой логикой и не ориентированных на достижение долгосрочных популяционных результатов. Это обуславливает необходимость анализа профилактики инсульта не только как медицинской, но и как управлеченческой задачи [4,5].

Объекты и методы исследования

Объектом исследования является система профилактики инсульта в контексте управлеченческих решений в здравоохранении. В работе использован аналитический метод, включающий обзор и обобщение данных международных организаций и научных публикаций по профилактике инсульта, управлению здравоохранением и экономике неинфекционных заболеваний [1,4,6]. Методологической основой исследования послужили принципы системного анализа и управлеченческого цикла, рассматривающего профилактику как последовательность этапов: постановка целей, распределение ресурсов, реализация мероприятий, мониторинг и оценка результатов. Особое вниманиеделено роли первичной медико-санитарной помощи как основного уровня реализации профилактических решений, обеспечивающего максимальный охват населения и устойчивость профилактических программ [5,7].

Результаты и их обсуждение

Проведенный анализ показал, что фрагментарный характер профилактики инсульта является одним из ключевых ограничений ее эффективности. Отсутствие четко сформулированных управлеченческих целей и единых показателей эффективности приводит к тому, что профилактические программы не обеспечивают устойчивого снижения бремени инсульта на популяционном уровне [3,4]. В большинстве систем здравоохранения профилактика инсульта не интегрирована в процессы стратегического планирования и рассматривается как вспомогательная функция, а не как объект управлеченческих решений.

Рассмотрение профилактики инсульта как управляемого процесса позволяет перейти от выполнения отдельных мероприятий к управлению результатами. Такой подход предполагает использование измеримых индикаторов, включая показатели бремени заболевания и охвата профилактическими программами, а также регулярный мониторинг и корректировку управлеченческих решений [6,8]. Важным элементом данной модели является интеграция профилактики в деятельность первичной медико-санитарной помощи и применение цифровых инструментов, повышающих управляемость и прозрачность профилактических процессов [9,10].

Заключение

Профилактика инсульта должна рассматриваться как стратегический объект управлеченческих решений в системе здравоохранения. Фрагментарный подход к профилактическим мероприятиям ограничивает их результативность и снижает эффективность использования ресурсов. Переход к системной модели управления профилактикой инсульта, ориентированной на измеримые популяционные результаты и интеграцию в первичную медико-санитарную помощь, позволяет повысить устойчивость и эффективность профилактических программ. Такой подход соответствует современным принципам управления здравоохранением и может рассматриваться как приоритетное направление развития профилактики инсульта.

Список литературы:

1. World Health Organization. Stroke: key facts. Geneva: World Health Organization; 2023.
2. World Health Organization. Global Health Estimates 2019. Geneva: World Health Organization; 2020.

3. GBD 2019 Stroke Collaborators. Global, regional, and national burden of stroke and its risk factors, 1990–2019. *Lancet Neurol.* 2021;20(10):795—820.
4. GBD 2021 Stroke Collaborators. Global burden of stroke and risk factors in 2021 and future projections. *Lancet Neurol.* 2023;22(10):877—898.
5. World Stroke Organization. *Global Stroke Action Plan for the Prevention and Control of Stroke.* Geneva; 2022.
6. Feigin VL, Norrving B, Mensah GA. Global burden of stroke. *Circ Res.* 2017;120(3):439—448.
7. Rose G. *The Strategy of Preventive Medicine.* Oxford: Oxford University Press; 1992.
8. Drummond MF, Sculpher MJ, Claxton K, Stoddart GL, Torrance GW. *Methods for the Economic Evaluation of Health Care Programmes.* Oxford: Oxford University Press; 2015.
9. Gold MR, Siegel JE, Russell LB, Weinstein MC. *Cost-Effectiveness in Health and Medicine.* New York: Oxford University Press; 1996.
10. OECD. *Health at a Glance.* Paris: OECD Publishing; 2022.

Нейромаркетинг в B2B-секторе: применение принципов поведенческой экономики в переговорах и построении долгосрочных партнерств

Тигран Казарян

Эксперт в области менеджмента продаж и консалтинга

Аннотация

Статья исследует потенциал и методологические рамки применения нейромаркетинга и принципов поведенческой экономики в контексте B2B-взаимодействий. Цель работы заключается в анализе теоретического фундамента и практических инструментов, позволяющих учитывать когнитивные искажения и неосознаваемые процессы принятия решений корпоративными заказчиками для повышения эффективности переговоров и укрепления партнерских отношений. Методология базируется на систематизации научных исследований в области нейронаук и поведенческой экономики, а также на анализе адаптированных бизнес-кейсов. Результаты демонстрируют, что использование данных подходов способствует снижению воспринимаемого риска, формированию доверия и созданию дополнительной нематериальной ценности в процессе продаж. Практическая значимость исследования заключается в разработке комплекса конкретных рекомендаций по интеграции поведенческих инсайтов в стратегию коммуникации, структуру коммерческих предложений и формат ведения переговоров в B2B-секторе.

Ключевые слова: нейромаркетинг, поведенческая экономика, B2B-продажи, принятие решений, когнитивные искажения, переговоры, долгосрочные партнерства.

Принятие решений о закупках в корпоративной среде традиционно рассматривается как рациональный, многоэтапный процесс, основанный на логическом анализе экономических выгод и технических характеристик. Однако современные исследования в области нейронаук и поведенческой экономики последовательно доказывают, что даже сложные организационные решения находятся под значительным влиянием эвристик, эмоций и социальных факторов. Актуальность изучения нейромаркетинга в B2B обусловлена необходимостью перехода от модели убеждения, основанной исключительно на логике, к модели понимания и корректного влияния на глубинные драйверы выбора представителей заказчика. Целью данной статьи является определение границ применимости и конкретных механизмов использования принципов поведенческой экономики и методик нейромаркетинга для оптимизации переговорных процессов и построения устойчивых деловых альянсов. Для реализации цели поставлены задачи по изучению теоретических основ, идентификации релевантных для B2B когнитивных эффектов, анализу практических примеров их применения и оценке этических границ подобного подхода.

Нейронауки и поведенческая экономика в корпоративном контексте

Теоретической основой для интеграции нейромаркетинга в B2B служит конвергенция двух научных направлений. Нейромаркетинг, применяющий методы нейровизуализации (фМРТ, ЭЭГ, айтрекинг) для изучения реакции мозга на маркетинговые стимулы, изначально фокусировался на потребительских товарах. Однако его базовый постулат — значительная часть обработки информации и формирования предпочтений происходит на неосознаваемом уровне — релевантен и для корпоративных решений, которые, в конечном счете, принимаются людьми.

Поведенческая экономика предоставляет конкретный понятийный аппарат для работы с систематическими отклонениями от рациональности. В B2B-контексте особую значимость

приобретают такие эвристики и искажения, как «aversion to loss», где потенциальные потери психологически перевешивают эквивалентные выгоды; эффект привязки, когда первоначально предложенная цифра служит якорем для всех последующих обсуждений цены; и статус-кво, выражющийся в предпочтении текущего поставщика или решения из-за страха перед изменениями и дополнительными транзакционными издержками [1].

Важным аспектом является социальный характер B2B-покупок. Решения часто принимаются комитетами, где на индивидуальные когнитивные искажения накладываются групповые динамики, такие как конформизм. Нейробиологические исследования показывают, что доверие, являющееся фундаментом долгосрочных партнерств, активирует в мозге те же зоны, что и социальное вознаграждение, что указывает на его эмоциональную, а не только расчетную природу [3].

Практические инструменты для переговоров и формирования партнерств

На основе теоретических принципов можно сформулировать конкретные инструменты для практического применения в B2B-коммуникации. Одним из таких инструментов является стратегическое фреймингование предложения. Вместо акцента на том, что клиент приобретает, смещение фокуса на то, что он избегает — потерь, рисков, упущенной выгоды или операционных сложностей — может быть более эффективным. Например, представление сервисного контракта не как дополнительной стоимости, а как страховки от многомиллионных потерь из-за простого оборудования.

Другой инструмент связан с управлением восприятием ценности через привязку и контраст. Первоначальное предложение комплекса «премиум-решение» с максимальным набором опций создает высокий якорь, на фоне которого последующее предложение оптимального пакета воспринимается как более выгодное и сбалансированное. Структурирование этапов взаимодействия опирается на принцип последовательности: после небольших первоначальных согласий (например, на пробный период или диагностический аудит) вероятность принятия более крупного предложения возрастает.

Для построения долгосрочных отношений применяются методики, усиливающие доверие и чувство взаимности. Транспарентность в коммуникации, включая открытое обсуждение ограничений продукта, активирует нейронные цепи, ассоциированные с честностью. Предоставление экспертной помощи или ценных инсайтов без немедленного требования встречной сделки формирует чувство обязательства, повышая лояльность клиента в долгосрочной перспективе.

Анализ адаптированных бизнес-кейсов и эмпирических данных

Прямое цитирование коммерческих исследований в области нейромаркетинга и B2B затруднено ввиду их часто конфиденциального характера, однако адаптированные примеры и опубликованные данные иллюстрируют общие тенденции.

Исследование, проведенное среди закупщиков промышленного оборудования, продемонстрировало влияние эффекта владения. Когда менеджерам предлагалось представить, что они уже используют определенную систему (через интерактивные симуляции или длительные пробные периоды), их готовность к переходу на альтернативную, даже более выгодную в расчетных показателях систему, значительно снижалась. Это подтверждает силу статус-кво и эмоциональной привязанности к знакомому решению [4].

Neuromarketing Tools		
Techniques Measuring Central Nervous System (CNS)		Techniques Measuring Peripheral Nervous System (PNS)
Metabolic Activity Record in Brain	Recording of Electrical Activity in Brain	Without Brain Activity Recording
Functional Magnetic Resonance Imaging(fMRI)	Steady State Topography (SST)	Facial Coding
Positron Emission Tomography(PET)	Transcranial Magnetic Stimulation (TMS)	Galvanic Skin Response
	Magnetoencephalography (MEG)	Facial Electromyography
	Electroencephalography (EEG)	Implicit association test
		Eye-tracking
		Measurement of Physiological Responses

Кейс из сферы корпоративного программного обеспечения показывает применение принципов социального доказательства и авторитета в сложных многосторонних продажах. Компания-поставщик систематически привлекала к встречам с потенциальным клиентом не только технических специалистов, но и действующих топ-менеджеров из компаний-референсов из той же отрасли. Это воздействовало одновременно на несколько когнитивных уровней: снижало воспринимаемый риск через социальное доказательство и повышало авторитет предложения через экспертный статус приглашенных лиц. По данным внутреннего анализа, подобная практика сокращала среднюю длительность цикла продаж для крупных сделок.

Еще один пример связан с дизайном коммерческих предложений и контрактов. Многочисленные исследования указывают, что упрощение сложных многостраничных предложений, использование визуализации данных для демонстрации ROI и четкое структурирование выгод снижают когнитивную нагрузку на лиц, принимающих решения. Это уменьшает вероятность отложить рассмотрение или отвергнуть предложение из-за его кажущейся сложности, что является проявлением когнитивной лени [2].

Эффективность, ограничения и этические аспекты

Применение нейромаркетинга и поведенческой экономики в B2B не является манипуляцией в негативном смысле, а представляет собой более глубокое понимание психологии принятия бизнес-решений. Эффективность этих методов заключается не в создании искусственных потребностей, а в снижении барьеров для восприятия объективной ценности, преодолении иррационального сопротивления изменениям и облегчении сложного выбора для клиента.

Ключевое ограничение связано с необходимостью тонкой настройки под высокую рациональную составляющую корпоративных покупок. Открытая манипуляция или попытка использовать исключительно эмоциональные триггеры без описания и предоставление ценности может привести к потере доверия и репутационным рискам. Поэтому инструментарий должен применяться этично и прозрачно, в симбиозе с безупречным качеством продукта и сервиса.

Успешное внедрение требует от продавцов и маркетологов развития новой компетенции. Эта компетенция подразумевает способность диагностировать, какие именно когнитивные искажения могут влиять на конкретного клиента или группу, и выбирать адекватный, уважительный способ коммуникации. Организационная культура должна поддерживать подход, ориентированный на долгосрочное взаимовыгодное партнерство, а не на сиюминутное закрытие сделки любыми средствами [2].

EEG	MEG	Functional MRI (fMRI)
<ul style="list-style-type: none"> Identifies and measures brain waves. measure the variation of the electrical field at the level of the scalpel Sees the biological basis of cognitive response Units are neurons and synapses Electrical currents are produced and amplify Brainwaves are recorded Does not have the spatial resolution The cognitive process triggers not recorded 	<ul style="list-style-type: none"> Began from the Mid'60s Measures magnetic fields in the brain Better spatial resolution than EEG Limited capacity to pick up activity in the brain surface Few areas have been identified where specific tasks can be studied Records real-time responses Not fit to conduct MR studies of higher cognitive functions 	<ul style="list-style-type: none"> Studies the deep structures of the subjects' brain Studies the images of blood flow changes in the brain Works on the BOLD signal (Blood Oxygen Level Dependent) BOLD alters the magnetic field BOLD alteration measures neuronal activity Studies brain processes during purchase decisions Spatial resolution 10 times better than EEG Measures emotional responses too Capable of identifying the pleasure center Expensive

Исследование подтверждает, что принципы нейромаркетинга и поведенческой экономики обладают значительным потенциалом для повышения эффективности B2B-продаж, переговоров и построения партнерств. В отличие от B2C-сферы, их применение в корпоративном контексте требует большей тонкости, акцента на рационально-эмоциональный баланс и безусловного соблюдения этических норм.

Основным выводом работы является определение релевантного набора поведенческих инструментов — стратегического фреймирования, управления якорями, использования социального доказательства и снижения когнитивной нагрузки — которые могут быть интегрированы в существующие коммерческие процессы. Эти инструменты работают на укрепление доверия, снижение воспринимаемого риска и облегчение процесса принятия сложных организационных решений.

Практические рекомендации включают обучение коммерческих команд основам поведенческой экономики, аудит и редизайн ключевых точек клиентского пути с учетом выявленных когнитивных барьеров, а также внедрение тестирования различных форматов коммуникации. Применение данных подходов наиболее эффективно в отраслях с высокой сложностью продукта, длительным циклом продаж и значительной долей субъективных оценок в процессе выбора поставщика. Дальнейшие исследования могли бы быть направлены на количественную оценку влияния конкретных поведенческих интервенций на метрики B2B-продаж, такие как конверсия на этапе переговоров, скорость принятия решения и индекс лояльности корпоративных клиентов.

Список литературы:

1. Kahneman D. Thinking, Fast and Slow / D. Kahneman. — New York : Farrar, Straus and Giroux, 2011. — 499 р.
2. Riedl R., Hubert M., Kenning P. Are there neural gender differences in online trust? An fMRI study on the perceived trustworthiness of eBay offers / R. Riedl, M. Hubert, P. Kenning // MIS Quarterly. — 2010. — Vol. 34, № 2. — P. 397–428.
3. Tversky A., Kahneman D. The Framing of Decisions and the Psychology of Choice / A. Tversky, D.
4. Wilson R. M., Gaines J., Hill R. P. Neuromarketing and consumer free will / R. M. Wilson, J. Gaines,

Принцип *ultima ratio* в сфере уголовно-правового регулирования предпринимательства: пути реализации в нормах об ответственности за незаконное предпринимательство на современном этапе развития законодательства Российской Федерации

Запорожченко Иван Максимович

Студент магистратуры

Российский государственный университет правосудия им В.М. Лебедева

Михайлов Дмитрий Олегович

Научный руководитель

К.Ю.Н.

доцент кафедры уголовного права

Российский государственный университет правосудия им В.М. Лебедева

Аннотация: в работе исследуется реализация принципа *ultima ratio* (принцип «крайней меры») в нормах об уголовной ответственности за незаконное предпринимательство (ст. 171 УК РФ) на современном этапе. Анализируется сущность данного принципа как конституирующего для уголовно-правового регулирования экономической деятельности, требующего применения уголовной репрессии лишь при исчерпании иных мер. Выявляются ключевые проблемы действующей законодательной конструкции, противоречащие *ultima ratio*: формальные и низкие пороги криминализации, смешение регуляторных и уголовно-правовых целей. Обосновываются конкретные пути совершенствования законодательства и правоприменения, направленные на сужение сферы уголовной репрессии за счет повышения порогов, введения административной преюдиции и расширения восстановительных механизмов.

Ключевые слова: принцип «*ultima ratio*», незаконное предпринимательство, уголовная ответственность, уголовно-правовое регулирование, совершенствование законодательства.

Zaporozhchenko Ivan Maksimovich

Master's Student

V.M. Lebedev Russian State University of Justice

Academic Supervisor: Mikhailov Dmitry Olegovich

PhD in Law

Associate Professor, Department of Criminal Law

V.M. Lebedev Russian State University of Justice

The principle of *ultima ratio* in the sphere of criminal-legal regulation of entrepreneurship: ways of implementation in the norms on liability for illegal entrepreneurship at the current stage of development of the legislation of the Russian Federation

Abstract: this research examines the current implementation of the *ultima ratio* principle (the principle of «extreme measure») in criminal liability provisions for illegal entrepreneurship (Article 171 of the Criminal Code of the Russian Federation). It analyzes the essence of this principle as constitutive of the criminal-legal regulation of economic activity, requiring the use of criminal repression only after other measures

have been exhausted. Key problems in the current legislative framework that contradict the *ultima ratio* are identified: formal and low criminalization thresholds, and the confusion of regulatory and criminal-law objectives. Specific ways to improve legislation and law enforcement are substantiated, aimed at narrowing the scope of criminal repression by raising thresholds, introducing administrative prejudice, and expanding restorative mechanisms.

Keywords: the principle of «*ultima ratio*», illegal entrepreneurship, criminal liability, criminal law regulation, improvement of legislation.

Принцип *ultima ratio* («крайняя мера») является одной из фундаментальных аксиом современного демократического уголовного права. Он провозглашает, что уголовная репрессия должна применяться государством лишь тогда, когда все иные, менее репрессивные средства правового воздействия (административные, гражданско-правовые, налоговые) исчерпаны или заведомо неэффективны. В сфере экономической деятельности, особенно предпринимательской, этот принцип приобретает критическое значение, выступая барьером на пути чрезмерной криминализации рискового, социально полезного поведения. На современном этапе развитие законодательства России в области ответственности за незаконное предпринимательство (ст. 171 УК РФ) представляет собой динамичное, но противоречивое поле поиска оптимальной реализации принципа *ultima ratio*. Это поиск баланса между защитой публичных интересов (фискальных, регуляторных, конкурентных) и необходимостью не препятствовать здоровой хозяйственной инициативе.

В контексте предпринимательства принцип *ultima ratio* означает, что уголовное преследование за нарушение регуляторных норм (регистрации, лицензирования, отчетности) допустимо не за сам факт нарушения, а лишь в случае, когда такое нарушение либо обладает значительной степенью общественной опасности, сопоставимой с иными преступлениями (причинение реального крупного ущерба государству, гражданам, конкурентам; создание угрозы жизни и здоровью людей), либо было сознательно и умышленно направлено на извлечение преступных доходов или уклонение от социальных обязательств, а не явилось следствием заблуждения, сложности регуляторных процедур или малозначительного правонарушения [1].

Нормативным воплощением этого принципа в российском праве являются ч. 2 ст. 2 УК РФ (задачи Уголовного кодекса), а также правовые позиции Конституционного Суда РФ, неоднократно указывавшего на необходимость ограничительного и осмотрительного применения уголовного закона в экономической сфере.

Несмотря на ряд либерализаций последних лет, конструкция ст. 171 УК РФ сохраняет существенные противоречия с принципом *ultima ratio*.

— «Формальный» порог криминализации, подразумевающий, что основной квалифицирующий признак это причинение крупного ущерба (свыше 2,25 млн руб.) или извлечение дохода в крупном размере (свыше 9 млн руб.). Однако на практике «крупный ущерб» часто исчисляется как недополученные бюджетом налоги, то есть является производным от дохода. Это создает риск криминализации за неуплату налогов, что уже охватывается специальными нормами (ст.ст. 198, 199 УК РФ), и ведет к дублированию ответственности.

— Низкий порог дохода для привлечения к уголовной ответственности, т.е. сумма дохода в 9 млн руб., накопленная за весь период нелегальной деятельности (который может исчисляться годами), для многих видов малого бизнеса не является показателем исключительной общественной опасности, требующей именно уголовного ответа. Административная ответственность (штраф до 50 тыс. руб. по ст. 14.1 КоАП РФ) часто выглядит несоразмерно мягкой, а уголовная несоразмерно суровой.

— Смешение регуляторных и уголовно-правовых целей, т.е. уголовный закон используется как «палочка» для обеспечения исполнения чисто административных предписаний (о регистрации), что подменяет собой задачу построения эффективной, простой и стимулирующей регуляторной среды [2, с.20].

Помимо этого, стоит отметить, что закон не всегда позволяет четко ограничить умышленное, корыстное ведение бизнеса «в тени» от вынужденной или неосторожной деятельности без регистрации (например, в условиях непонимания границ самозанятости, пробной деятельности).

Совершенствование норм об ответственности за незаконное предпринимательство должно идти по следующим ключевым направлениям, прямо вытекающим из логики *ultima ratio*.

Так, к примеру, примечание к ст. 171 УК РФ, позволяющее освободить лицо при первом нарушении, если возмещен ущерб и налоги, — шаг в правильном направлении. Однако его можно усилить:

— Распространить действие примечания не только на случаи возмещения ущерба, но и на случаи добровольной легализации бизнеса в установленный срок после первого предупреждения.

— Четко закрепить, что деятельность, начатая гражданином в статусе самозанятого или подпадающая под критерии микропредприятия, при отсутствии прямого умысла на уклонение, не должна криминализироваться, а переводиться в плоскость административного или налогового права [3, с. 312].

Более того, видится, что уголовная ответственность по ст. 171 УК РФ должна наступать только после применения мер административного воздействия (за исключением особо квалифицированных составов, связанных с организованной группой или оборотом запрещенных товаров). То есть, сначала предписание и штраф по КоАП, и лишь при повторном, умышленном и значительном нарушении следует уголовное преследование. Это сделает уголовную ответственность действительно «крайней мерой».

В целом, концепция административной преюдиции — требование, согласно которому уголовное преследование за правонарушение наступает лишь после исчерпания мер административного воздействия, давно признана в теории права ключевым механизмом реализации принципа *ultima ratio*. Однако применительно к ст. 171 УК РФ («Незаконное предпринимательство») ее введение носило бы не просто техническим усовершенствованием, а системной реформой уголовно-правовой политики в экономической сфере. Она способна преодолеть ключевой парадокс современного регулирования: формальное декларирование уголовного права как «крайней меры» при фактическом его использовании в качестве «первичного» инструмента давления за нарушения регуляторного характера.

Предлагаемая модель предполагает четкую трехшаговую последовательность для большинства случаев, подпадающих под признаки ч. 1 ст. 171 УК РФ (деяние без регистрации или лицензии, причинившее крупный ущерб или принесшее крупный доход) [4, с. 111].

Первичное выявление и административная реакция. При обнаружении факта ведения деятельности с нарушением регистрационных или лицензионных требований уполномоченный контролирующий орган (налоговая инспекция, Роспотребнадзор, орган лицензирующий) не передает материалы в следственные органы, а выносит предписание об устранении нарушения и налагает максимальный административный штраф по соответствующей статье КоАП РФ (например, ст. 14.1). Ключевым элементом на этом этапе является формализованное уведомление о недопустимости продолжения деятельности и правовых последствиях повторного нарушения.

Уголовная ответственность как следствие умышленного неповиновения. Уголовное дело может быть возбуждено только в случае, если после вступления в силу постановления о привлечении к административной ответственности лицо, умышленно игнорируя предписание, продолжает ту же незаконную деятельность, вновь причиняя крупный ущерб или извлекая крупный доход. Таким образом, объектом уголовно-правовой охраны становится уже не нарушение «бумажных» процедур само по себе, а злостное, демонстративное неподчинение законному предписанию государства, сопряженное с извлечением преступных доходов. Это качественно повышает общественную опасность деяния, делая его достойным именно уголовной репрессии.

Исключения для квалифицированных составов. Предлагаемый механизм не должен применяться к деяниям, изначально обладающим повышенной общественной опасностью, охватываемым ч. 2 и ч. 3 ст. 171 УК РФ: совершенным организованной группой, сопряженным с извлечением дохода в особо крупном размере или с оборотом товаров, ограниченных в обороте (например, алкоголь, лекарства). Здесь уголовное преследование может и должно быть первичным, так как эти признаки изначально свидетельствуют о масштабной и социально опасной противоправной деятельности [5].

Таким образом, подводя итог вышеизложенному, необходимо отметить, что реализация принципа *ultima ratio* в нормах об ответственности за незаконное предпринимательство это не техническая правовая задача, а стратегический выбор модели экономического развития. Уголовное право должно охранять экономику от действительно опасных, злостных и масштабных нарушений, подрывающих ее основы, а не выполнять функции фискального и регистрационного контроля.

Современный этап развития российского законодательства демонстрирует осознание этой проблемы, о чем свидетельствуют недавние либеральные поправки. Однако для последовательного воплощения идеи «крайней меры» требуется дальнейшее движение по пути: сужения сферы уголовного права за счет повышения порогов и введения преюдиции, расширения восстановительных (компенсационных) процедур и четкого нормативного разграничения умышленной преступной деятельности от вынужденных или неосторожных регуляторных нарушений. Только так уголовный закон станет не угрозой для инициативных граждан, а гарантом честной конкуренции и защитником публичных интересов от реальных, а не мнимых экономических угроз.

Список использованной литературы:

1. Стоянович З. Концепция уголовно-правового минимализма в современных условиях // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2018. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/konseptsiya-ugolovno-pravovogo-minimalizma-v-sovremennyh-usloviyah> (дата обращения: 25.12.2025).
2. Коноплева Л.Л. Сравнительный анализ законодательных подходов к проблеме разграничения административных правонарушений и преступлений в зарубежных странах и в России // Вестник Уральского финансово-юридического института. — 2016. — № 2 (4). — С. 18 — 22.
3. Нудель С. Л., Печегин Д. А. Тенденции уголовной политики в области охраны экономической деятельности в условиях цифровизации // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2022. Вып. 56. С. 309–335. DOI: 10.17072/1995-4190-2022-56-309-335.
4. Урда М.Н. Эволюция нормы о незаконном предпринимательстве в новейшей истории/ М.Н. Урда//Серия история и право. — 2012. — № 2 — С.110-113.
5. Саруханян А. Р., Фоменко А. И. Уголовно-правовые гарантии реализации прав субъектов

предпринимательской деятельности // Пробелы в российском законодательстве. 2010. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/5-3-ugolovno-pravovye-garantii-realizatsii-prav-subektov-predprinimatelskoy-deyatelnosti> (дата обращения: 27.12.2025).

Кадровая политика и кадровая работа в органах местного самоуправления

Д.Д. Куприкова,

Магистрант,

Государственный университет управления, г. Москва

E-mail: kuprikovadd@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются основные направления кадровой политики и кадровой работы в органах местного самоуправления в условиях модернизации системы публичной службы. Особое внимание уделяется вопросам обеспечения должностного роста муниципальных служащих на основе принципов профессионализма, объективности и законности, а также роли кадровых подразделений в реализации антикоррупционных механизмов.

Ключевые слова: кадровая политика, кадровая работа, органы местного самоуправления, муниципальная служба, должностной рост, кадровая служба, антикоррупционная деятельность.

Кадровая политика в органах местного самоуправления представляет собой системно организованную деятельность, основанную на совокупности теоретических положений, принципов, правовых норм и организационно-практических мер, направленных на формирование, развитие и рациональное использование кадрового потенциала муниципальной службы. В юридическом смысле кадровая политика выступает как инструмент реализации публичных функций местного самоуправления и обеспечивается нормами муниципального, административного и трудового права.

Правовые основы кадровой политики и кадровой работы в органах местного самоуправления закреплены в Конституции Российской Федерации, которая гарантирует самостоятельность местного самоуправления в пределах его полномочий, а также в федеральном и муниципальном законодательстве. Ключевое значение в регулировании кадровых процессов имеет Федеральный закон № 25-ФЗ «О муниципальной службе в Российской Федерации», определяющий правовой статус муниципальных служащих, условия поступления на муниципальную службу, порядок ее прохождения, а также основные требования к кадровой работе в органах местного самоуправления.

С правовой точки зрения кадровая политика в муниципальных органах представляет собой систему обязательных правил и процедур, в соответствии с которыми осуществляется кадровый процесс: отбор, назначение, оценка, продвижение и профессиональное развитие муниципальных служащих. Данные правила направлены на обеспечение законности, равного доступа граждан к муниципальной службе, соблюдение принципов профессионализма, компетентности и ответственности должностных лиц.

Кадры являются основополагающим элементом функционирования органов местного самоуправления, а эффективность их деятельности напрямую зависит от качества правового регулирования кадровых отношений. В условиях реформирования публичного управления и повышения требований к качеству муниципальных услуг особую значимость приобретает совершенствование механизмов правового обеспечения кадровой политики, включая конкурсные процедуры замещения должностей, антикоррупционные ограничения и требования к служебному поведению муниципальных служащих.

Для государства и муниципальных образований кадровый потенциал представляет собой стратегический ресурс, который должен быть адаптирован к современным условиям правового

регулирования, социально-экономическим задачам и интересам населения. Кадровая политика органов местного самоуправления должна быть направлена на поддержание оптимального соотношения между сохранением устойчивого кадрового состава и его обновлением, а также на обеспечение соответствия профессиональных и личностных характеристик муниципальных служащих требованиям, установленным действующим законодательством.

В современных условиях кадровая политика в системе местного самоуправления ориентируется на формирование стабильного и высокопрофессионального кадрового потенциала, обеспечивающего эффективную реализацию полномочий по решению вопросов местного значения. В этой связи возрастаёт роль кадровых подразделений муниципальных органов, на которые возлагаются задачи по планированию, подбору, подготовке и развитию кадров муниципальной службы.

Одним из современных направлений кадровой деятельности является развитие системы целевой подготовки кадров, основанной на заключении договоров с гражданами на время их обучения в образовательных организациях профессионального образования с последующим трудоустройством на муниципальной службе. Использование данного механизма позволяет органам местного самоуправления заранее формировать кадровый резерв с учетом фактических потребностей муниципального управления. Договорная форма обучения обеспечивает реализацию принципа равного доступа граждан к замещению должностей муниципальной службы и представляет собой действенный организационно-правовой способ привлечения квалифицированных специалистов.

Правовые подходы к целевой подготовке кадров для публичной службы получили закрепление в Федеральном законе № 79-ФЗ. Несмотря на то что указанный нормативный акт регулирует сферу государственной гражданской службы, содержащиеся в нем положения могут быть использованы в качестве методологической основы для совершенствования кадровой политики на муниципальном уровне. Аналогичный характер имеет Указ Президента РФ № 1456, который может рассматриваться как ориентир при разработке муниципальных программ целевого обучения.

Особое место в системе кадровой работы органов местного самоуправления занимает формирование и использование кадрового резерва. Использование кадрового резерва дает возможность обеспечить кадровую преемственность, повысить эффективность отбора кандидатов на замещение должностей муниципальной службы и сократить период их профессиональной адаптации. Рациональное применение кадрового резерва способствует росту профессионального уровня муниципальных служащих и улучшению качественных характеристик кадрового состава.

Процесс формирования кадрового резерва основывается на всестороннем учете совокупности факторов, к которым относятся результаты служебной деятельности, уровень профессиональной подготовки, стаж работы по специальности и стаж муниципальной службы, возраст, состояние здоровья, деловые и личностные качества, а также мотивация кандидатов. При этом кадровая деятельность должна быть ориентирована не только на создание кадрового резерва, но и на его эффективное использование, исключающее формализм и необоснованное продвижение работников на более высокие должности без прохождения необходимых этапов профессионального развития.

Важным направлением кадровой политики в органах местного самоуправления является обеспечение должностного роста муниципальных служащих. Карьерное продвижение должно осуществляться не автоматически, а на основе объективной оценки профессиональных и личностных качеств служащих. Роль кадровых подразделений и руководителей заключается в создании условий для профессионального развития и служебного роста на принципах объективности, беспристрастности, равенства, социальной справедливости, гласности.

В системе кадровой политики органов местного самоуправления особое значение имеет обеспечение должностного роста муниципальных служащих. Карьерное продвижение должно основываться на объективных и законодательно закрепленных критериях. Аналогично подходам, закрепленным в Федеральном законе № 79-ФЗ, должностной рост в публичной службе в наибольшей степени зависит, во-первых, от заслуг служащего в профессиональной служебной деятельности и его деловых качеств, и, во-вторых, от уровня профессионального мастерства и компетентности.

В кадровой работе органов местного самоуправления принципиально важно исключить так называемые «теневые» механизмы выдвижения кадров, основанные на субъективных или неформальных факторах. В основу кадровой политики должен быть положен принцип профессионализма, предполагающий приоритет объективной оценки результатов служебной деятельности, квалификации и потенциала муниципального служащего. Реализация данного принципа способствует повышению доверия к институту муниципальной службы и укреплению ее кадровой устойчивости.

Одной из значимых задач кадровых подразделений в системе публичной службы является организация контроля за соблюдением антикоррупционных требований. В соответствии с действующим законодательством кадровые службы обеспечивают организацию проверки сведений о доходах, имуществе и обязательствах имущественного характера муниципальных служащих, а также контроль за соблюдением установленных законом ограничений и запретов. При этом кадровые подразделения не наделены полномочиями по проведению оперативно-розыскных мероприятий или следственных действий, которые относятся к компетенции специализированных органов. Их функция заключается в координации и организационном сопровождении соответствующих проверочных процедур.

Подводя итог, следует отметить, что кадровая политика и кадровая работа в органах местного самоуправления должны строиться на строгом соблюдении норм и требований нормативно-правовых актов. Эффективное использование кадрового потенциала, формирование качественного кадрового резерва, обеспечение прозрачного должностного роста и реализация контрольных функций кадровых подразделений выступают необходимыми условиями устойчивого функционирования муниципальных органов. При этом правовой аспект организации кадровой работы занимает ключевое место, определяя ее содержание, формы и методы.

Список использованных источников и литературы:

1. Конституция Российской Федерации от 12 декабря 1993 г.
2. Федеральный закон от 2 марта 2007 г. № 25-ФЗ «О муниципальной службе в Российской Федерации».
3. Федеральный закон от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ (ред. от 29 июля 2017 г.) «О государственной гражданской службе Российской Федерации».
4. Указ Президента РФ от 21 декабря 2009 г. № 1456 (ред. от 06 октября 2020 г.) «О подготовке кадров для федеральной государственной гражданской службы по договорам о целевом обучении» (вместе с «Положением о порядке заключения договора о целевом обучении между федеральным государственным органом и гражданином Российской Федерации с обязательством последующего прохождения федеральной государственной гражданской службы»)
5. Кадровая политика и ее особенности в органах государственной власти и местного самоуправления [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.litsoch.ru/referats/read/227301>

Факт как социальный якорь доверия: фокусированный социологический анализ публичных интерпретаций

Калмыков Николай Николаевич
Кандидат социологических наук

Аннотация

В статье рассматриваются социальные практики интерпретации проверяемых фактов в условиях цифровой публичной коммуникации. Показано, что факты, обладающие высоким институциональным статусом (документы, нормативные акты, научные данные, стандарты), функционируют не только как носители информации, но и как социальные якоря доверия, используемые для легитимации интерпретаций, не следующих непосредственно из первоисточников. На основе фокусированного аналитического обзора типовых кейсов выявляются устойчивые формы интерпретационного искажения, воспроизводящиеся в медиасреде независимо от тематического контекста. Теоретической основой исследования выступают положения социологии знания и медиасоциологии, позволяющие рассматривать факт как социально конструируемый и институционально опосредованный объект. Делается вывод о том, что ключевым элементом публичного рассуждения становится не истинность факта как такового, а его социальный статус и символический капитал, обеспечивающие доверие к производимым выводам.

Ключевые слова: социология знания; медиасоциология; факт; доверие; институциональный статус; публичная коммуникация; интерпретация; социальные якоря доверия.

Abstract

The article examines social practices of interpreting verifiable facts in the context of digital public communication. It is shown that facts endowed with high institutional status—such as official documents, legal norms, scientific data, and standards—function not only as carriers of information but also as social anchors of trust, used to legitimize interpretations that do not directly follow from the original sources. Based on a focused analytical review of typical cases, the study identifies recurring forms of interpretive distortion reproduced in the media environment regardless of thematic domain. The theoretical framework draws on sociology of knowledge and media sociology, treating facts as socially constructed and institutionally mediated objects. The article concludes that in public discourse the decisive role is played not by the factual accuracy itself, but by the social status and symbolic capital of facts, which underpin trust in derived interpretations.

Keywords: sociology of knowledge; media sociology; fact; trust; institutional status; public communication; interpretation; social anchors of trust.

1. Введение

В условиях цифровой публичной коммуникации проверяемый факт всё реже выступает в роли конечной точки рассуждения. Напротив, он всё чаще становится исходным элементом для конструирования социальных интерпретаций, которые выходят за пределы содержания первоисточника. Эта трансформация меняет саму логику общественного обращения с фактами: значение приобретает не столько корректность исходного утверждения, сколько его символический и институциональный статус.

Современные медиасреды характеризуются высокой плотностью ссылок на документы, научные данные, нормативные акты и институциональные источники. При этом апелляция к «проверяемости» факта всё чаще используется как средство легитимации выводов, которые не следуют из него логически, методологически или юридически. Факт в таких случаях перестаёт быть предметом анализа и превращается в социальный якорь доверия — опору, позволяющую закрепить интерпретацию как «обоснованную» за счёт авторитета источника, а не за счёт содержания.

Данная ситуация указывает на смещение фокуса с истинности факта к его социальному статусу. Документ, институт, стандарт или научное утверждение начинают функционировать не только как носители информации, но и как символические ресурсы, обеспечивающие доверие к интерпретации. В результате граница между фактом и выводом размывается, а публичное рассуждение приобретает характер логической надстройки, опирающейся на институциональный авторитет.

В рамках социологии знания подобные процессы могут быть рассмотрены как формы социальной конструированности знания, в которых объективированное знание используется вне исходных контекстов его производства и применения. Медиасоциологический ракурс позволяет дополнить этот анализ, фиксируя устойчивые формы публичной репрезентации фактов и типовые схемы их интерпретационного расширения в цифровых медиа.

Цель настоящей статьи — показать, каким образом проверяемые факты функционируют как социальные якоря доверия и используются для легитимации интерпретаций, не следующих из первоисточников. Для этого предпринимается фокусированный социологический обзор типовых кейсов, отобранных из публично доступных материалов. Задачи статьи включают:

- описание социального статуса факта как ресурса доверия;
- выявление повторяющихся форм интерпретационного искажения;
- демонстрацию механизмов, посредством которых факт превращается в основание для несоразмерных выводов.

Объект исследования — публичная цифровая коммуникация, в которой проверяемые факты используются как аргументы доверия. Предмет исследования — социальные практики интерпретационного расширения проверяемых фактов, осуществляемого через присвоение им определённого статуса и символического капитала. Научный вклад статьи состоит в операционализации связки «факт → социальный статус → интерпретация (публичный вывод)» и в выделении повторяющихся форм интерпретационного искажения на материале фокусированного обзора.

Статья не претендует на исчерпывающий анализ медиапространства и не ставит целью оценку намерений или мотивов участников публичной коммуникации. Рассматриваемые кейсы используются исключительно как аналитические примеры, позволяющие выявить устойчивые социологические паттерны обращения с фактами в условиях цифровой публичности.

2. Теоретические основания

2.1. Социология знания и социальная конструированность факта

В рамках социологии знания факт рассматривается не только как отражение внешней реальности, но и как результат процессов социального производства, закрепления и признания знания. Классический подход, разработанный П. Бергером и Т. Лукманом [42], исходит из того, что знание о социальной реальности формируется, институционализируется и воспроизводится через устойчивые практики интерпретации и коммуникации. В этом смысле факт не является

самодостаточной единицей, а существует в системе социальных ожиданий, типизаций и контекстов понимания.

Процесс объективации знания предполагает отделение содержания от условий его возникновения. Факт, зафиксированный в документе, научной публикации или нормативном акте, начинает восприниматься как автономный и самоочевидный. Однако именно эта автономизация делает возможным последующее интерпретационное расширение: знание используется вне исходного контекста, а его социальная значимость начинает определяться не содержанием, а формой и статусом фиксации.

Социология знания позволяет рассматривать подобные смещения как закономерный результат институционализации знания. Объективированный факт приобретает устойчивость и воспроизводимость, что делает его удобным опорным элементом для публичных интерпретаций. При этом различие между описанием, объяснением и нормативным выводом в массовой коммуникации часто нивелируется, что создаёт условия для логических скачков от фиксированного факта к обобщающим утверждениям.

Таким образом, в аналитической перспективе важно различать факт как элемент знания и факт как социально функционирующий объект. Последний включён в коммуникационные цепочки, где его значение определяется не только истинностью, но и ролью в поддержании определённых интерпретационных схем.

В терминах Бергера—Лукмана данную динамику можно описать как последовательность переходов от экстернализации к объективации и далее к интернализации. Факт, возникший в конкретных практиках производства знания (экстернализация), закрепляется в устойчивых формах фиксации и признания (объективация), после чего усваивается как самоочевидный ориентир в массовых интерпретациях (интернализация). В цифровой публичности именно последняя стадия становится критической: интернализированный факт начинает использоваться вне исходных условий, а его институциональный статус служит опорой для расширенных выводов.

2.2. Социальный статус факта и институциональное доверие

Социальный статус факта формируется через связь с институтами, обладающими признанным авторитетом в производстве и верификации знания. Государственные органы, международные организации, научные сообщества, стандартизирующие структуры и образовательные институции выступают носителями институционального доверия, которое переносится на производимые ими факты и документы [44].

Институциональное доверие позволяет фактам функционировать как социальные якоря — устойчивые точки опоры в публичном рассуждении. Ссылка на закон, резолюцию, научный стандарт или официальную статистику снижает необходимость детального анализа содержания и контекста, поскольку доверие делегируется источнику. В результате социальная легитимность утверждения всё чаще обеспечивается не аргументацией, а указанием на институциональное происхождение факта.

В условиях цифровой коммуникации данный механизм усиливается за счёт фрагментарности восприятия и высокой скорости распространения информации. Факт, извлечённый из сложного институционального контекста, циркулирует как автономный маркер достоверности. Его статус используется для подкрепления интерпретаций, которые могут существенно выходить за пределы институционального мандата источника.

В социологической традиции анализа модерности доверие часто описывается как доверие к «абстрактным системам» и экспертным институтам, обеспечивающим предсказуемость взаимодействий в условиях сложных обществ [45].

Таким образом, социальный статус факта становится ключевым элементом анализа: именно он определяет степень доверия к интерпретации и задаёт рамки допустимых выводов в публичном пространстве, независимо от их логической соразмерности первоисточнику.

2.3. Факт как объект интерпретации в медиасреде

Медиасреда выступает пространством вторичной обработки и переупаковки фактов, где они включаются в разнообразные нарративные и объяснительные конструкции. В отличие от научной или правовой коммуникации, медиаориентированные форматы не предполагают строгого разграничения между описанием, интерпретацией и оценкой. Это создаёт условия для трансформации факта в элемент аргументации, предназначенный для подтверждения заранее заданных выводов.

В цифровых медиа факт часто функционирует как семиотический знак, указывающий на достоверность сообщения в целом. Его присутствие в тексте или видеоматериале выполняет легитимирующую функцию, даже если связь между фактом и выводом остаётся неочевидной или опосредованной. Таким образом, медиалогика способствует смещению акцента с анализа содержания на символическое использование факта.

Повторяемость подобных практик позволяет говорить о формировании типовых схем интерпретации. Они воспроизводятся независимо от конкретных тем и источников и опираются на устойчивые ожидания аудитории относительно того, как должен выглядеть «достоверный» аргумент. В этом контексте задача социологического анализа заключается не в проверке истинности отдельных утверждений, а в выявлении структурных механизмов, посредством которых факт включается в публичное рассуждение и приобретает расширенное интерпретационное значение.

3. Методология и границы обзора

3.1. Принципы фокусированного аналитического обзора

Настоящее исследование выполнено в формате фокусированного аналитического обзора, ориентированного на выявление типовых механизмов интерпретации проверяемых фактов в публичной цифровой коммуникации. Данный формат предполагает целенаправленный отбор ограниченного числа показательных кейсов без стремления к репрезентативности или исчерпывающему охвату медиапространства.

В отличие от количественных обзоров и фактчекинговых исследований, фокусированный аналитический обзор не ставит задачей подсчёт распространённости тех или иных утверждений или оценку их истинности. Его целью является реконструкция устойчивых схем интерпретации, посредством которых факт используется как аргумент в публичном рассуждении. Такой подход позволяет сосредоточиться на логике обращения с фактами, а не на эмпирическом объёме их циркуляции.

3.2. Критерии отбора кейсов и источников

Отбор кейсов осуществлялся на основе следующих критериев:

- наличие проверяемого факта, зафиксированного в публично доступном официальном или авторитетном источнике;
- наличие распространённой публичной интерпретации, выходящей за пределы содержания первоисточника;
- возможность чётко различить статус факта и характер интерпретационной надстройки;
- воспроизводимость интерпретационного приёма в различных тематических контекстах.

В качестве первоисточников фактов использовались официальные документы, нормативные акты, материалы международных организаций, энциклопедические справочники, научно-образовательные ресурсы и стандарты. В качестве источников интерпретаций привлекались публично доступные материалы цифровых медиа, ориентированные на широкую аудиторию.

Единицей анализа являлось публичное интерпретационное высказывание (утверждение/вывод), опирающееся на проверяемый факт, зафиксированный в первоисточнике. Процедура отбора включала последовательные операции: выделение фактов-якорей высокой статусности; поиск типовых публичных интерпретаций, апеллирующих к этим фактам; сопоставление интерпретации с первоисточником и уточнение статуса факта; формулирование нейтральной рамки допустимых выводов.

3.3. Ограничения исследования

Исследование сознательно ограничено анализом структуры интерпретаций и не включает оценку намерений, мотиваций или социальных характеристик авторов публичных материалов. Также не рассматриваются юридические, этические или политические аспекты распространения недостоверных утверждений.

Выбранный формат исключает использование внутренних аналитических материалов, закрытых источников и количественных показателей. Рассматриваемые кейсы используются исключительно в аналитических целях и не предполагают оценки правомерности, достоверности или намерений субъектов публичной коммуникации. Все выводы основаны исключительно на анализе публичных текстов и документов. Указанные ограничения позволяют сохранить социологическую нейтральность исследования и сосредоточиться на выявлении универсальных механизмов функционирования факта как социального якоря доверия.

4. Факт как социальный якорь доверия

4.1. Типы фактов в публичной коммуникации

В публичной цифровой коммуникации функционируют различные типы фактов, различающиеся по происхождению, режимам верификации и социальному статусу. К ключевым типам относятся: документальные факты (официальные письма, резолюции, отчёты), институциональные факты (существование и мандат организаций), нормативно-правовые факты (законы, нормы, оговорки и процедуры), научно-учебные факты (устоявшиеся данные и определения), а также технико-стандартные факты (протоколы, стандарты, сервисные функции).

Каждый из этих типов фактов обладает собственным режимом легитимации. Документальные и нормативные факты опираются на формальные процедуры принятия и публикации; институциональные — на устойчивость организационных форм и признание мандата; научные — на коллективные практики проверки и воспроизводимости; технико-стандартные — на функциональную применимость и отраслевое признание. В публичном пространстве эти различия нередко сглаживаются, а факт воспринимается как универсальная единица достоверности.

Именно эта универсализация создаёт условия для интерпретационного расширения. Факт, обладающий высоким институциональным статусом, переносит свою легитимирующую силу на выводы, которые относятся к иному уровню анализа. Так, наличие документа может использоваться для утверждений о юридических последствиях, наличие института — для выводов о намерениях или контроле, а научный показатель — для нормативных или политических обобщений.

4.2. Символический капитал факта

Понятие символического капитала [43] позволяет описать механизм, посредством которого факт приобретает способность выступать социальным якорем доверия. Символический капитал факта формируется через признание источника, устойчивость форм фиксации и повторяемость ссылок в публичной коммуникации. Чем выше институциональный авторитет источника, тем меньше внимания уделяется условиям применимости и границам интерпретации.

В медиасреде символический капитал факта часто используется как замена аргументации. Ссылка на «официальный документ», «научные данные» или «международный стандарт» выполняет функцию риторического усилителя, позволяя сократить цепочку рассуждений. В результате социальное доверие смещается с логической связности вывода на статус факта как такового.

Данный механизм не предполагает сознательного искажения информации. Напротив, он основан на нормальных ожиданиях аудитории относительно того, что институционально закреплённые факты являются надёжными ориентирами. Однако именно эта надёжность делает факт удобной точкой опоры для интерпретационных расширений, в которых границы между описанием, объяснением и оценкой оказываются размытыми.

Таким образом, рассмотрение факта как социального якоря доверия позволяет аналитически связать теоретические положения социологии знания с эмпирическими наблюдениями медиасоциологии. Это создаёт основу для последующего анализа конкретных кейсов, в которых символический капитал факта используется для легитимации несоразмерных интерпретаций. В дальнейшем данный механизм рассматривается в виде связи: факт → социальный статус → интерпретация (публичный вывод).

5. Обзор ключевых кейсов

Для сопоставимости кейсов используется единый аналитический принцип: фиксируется проверяемый факт и его статус, затем описывается типовая публичная интерпретация, после чего задаётся нейтральная рамка допустимых выводов. Формулировки интерпретаций приводятся в обобщённом виде и отражают типовые схемы публичного прочтения, а не дословные цитаты конкретных публикаций. Это позволяет наблюдать не отдельные темы, а повторяющиеся формы перехода от факта к публичному выводу.

5.1. Международные документы

Кейс 5.1.1. Дипломатическая декларация как основание интерпретаций о государственности

Факт

В 1917 году министр иностранных дел Великобритании направил письмо, известное как Декларация Бальфура, в котором выражалась поддержка идеи создания национального очага для еврейского народа в Палестине.

Статус факта

Историко-дипломатический документ декларативного характера.

Первоисточник факта

Yale Law School. *The Avalon Project: The Balfour Declaration (1917)*.

https://avalon.law.yale.edu/20th_century/balfour.asp [1]

Распространённая публичная интерпретация

Документ трактуется как ключевой политический акт, которому приписывается непосредственная учредительная роль в возникновении государственности.

Публичный источник интерпретации

Encyclopaedia Britannica. *Balfour Declaration*.

<https://www.britannica.com/event/Balfour-Declaration> [2]

Корректная рамка интерпретации

Декларация Бальфура представляла собой политическое заявление поддержки и не обладала учредительной юридической силой. Она стала одним из факторов последующих международно-правовых и политических процессов, но не являлась актом создания государства или признания суверенитета.

Кейс 5.1.2. Резолюция международной организации как «учредительный акт»

Факт

В 1947 году Генеральная Ассамблея ООН приняла резолюцию № 181, содержащую рекомендацию плана раздела подмандатной территории Палестины.

Статус факта

Резолюция международной организации рекомендательного характера.

Первоисточник факта

United Nations. *Resolution 181 (II)*.

<https://digitallibrary.un.org/record/39153> [3]

Распространённая публичная интерпретация

Резолюция интерпретируется как акт, юридически создавший государство и определивший его суверенитет.

Публичный источник интерпретации

Encyclopaedia Britannica. *United Nations Resolution 181*.

<https://www.britannica.com/topic/United-Nations-Resolution-181> [4]

Корректная рамка интерпретации

Резолюция Генеральной Ассамблеи носила рекомендательный характер и не являлась учредительным актом. Государственность формируется через совокупность политических, правовых и институциональных процессов, выходящих за рамки одной резолюции.

Кейс 5.1.3. Резолюции Генеральной Ассамблеи как «обязательные решения»

Факт

Резолюции Генеральной Ассамблеи ООН относятся к актам политического характера и, в отличие от решений Совета Безопасности в пределах его мандата, обычно не рассматриваются как юридически обязательные для государств-членов.

Статус факта

Решение международной организации (рекомендательный акт).

Первоисточник факта

United Nations. *How Decisions are Made at the UN*.

<https://www.un.org/en/ga/about/background.shtml> [5]

Распространённая публичная интерпретация

Резолюции воспринимаются как юридически обязательные распоряжения, создающие непосредственные обязанности для государств.

Публичный источник интерпретации

Reuters. *UN General Assembly overwhelmingly demands immediate Gaza ceasefire* (11.12.2024) — пример публичной репрезентации через лексику «demands», часто читаемую как обязательность.

<https://www.reuters.com/world/middle-east/un-general-assembly-overwhelmingly-demands-immediate-gaza-...> [6]

Корректная рамка интерпретации

Резолюции Генеральной Ассамблеи не создают юридически обязательных норм для государств-членов в универсальном смысле, но обладают политическим и символическим весом и могут влиять на практики и дискуссии в международном праве.

Кейс 5.1.4. «Резолюции ООН вообще» как единый класс обязательных актов

Факт

Юридический эффект резолюций зависит от органа ООН и правовой основы принятия: в ряде случаев решения Совета Безопасности рассматриваются как обязательные, тогда как резолюции Генеральной Ассамблеи — как рекомендации.

Статус факта

Институционально-правовой факт (различие мандатов органов ООН).

Первоисточник факта

United Nations. *Charter of the United Nations*.

<https://www.un.org/en/about-us/un-charter> [7]

Дополнительная справочная фиксация различий статусов резолюций :

Library of Congress. *United Nations resolutions: guide and reference entry*.

<https://www.loc.gov/item/2019666159/> [8]

Распространённая публичная интерпретация

Любой документ, обозначенный как «резолюция ООН», интерпретируется как одинаково обязательный для исполнения вне зависимости от органа и юридической конструкции.

Публичный источник интерпретации

Reuters. *UN General Assembly overwhelmingly demands immediate Gaza ceasefire* (11.12.2024) — пример публичной репрезентации через лексику «demands», часто читаемую как обязательность «резолюции ООН» в целом.

<https://www.reuters.com/world/middle-east/un-general-assembly-overwhelmingly-demands-immediate-gaza-...> [6]

Корректная рамка интерпретации

Корректная интерпретация требует различать орган, форму и правовой режим документа. Символический вес резолюций может быть высоким, но юридическая обязательность не является универсальным свойством всех резолюций.

Кейсы данного блока демонстрируют, как символический капитал официальных документов трансформируется в символический капитал институтов. В публичных интерпретациях институциональный авторитет и сложность организационных форм нередко используются как основание для выводов о контроле и собственности, хотя такие выводы относятся к иному уровню

описания.

5.2. Государственные и финансовые институты

Кейс 5.2.1. Центральный банк как объект интерпретаций о частной природе власти

Факт

Федеральная резервная система США выполняет функции центрального банка и действует на основании федерального законодательства.

Статус факта

Государственно-правовой и финансовый институт.

Первоисточник факта

Federal Reserve. *Structure of the Federal Reserve System*.

<https://www.federalreserve.gov/aboutthefed/structure-federal-reserve-system.htm> [9]

Распространённая публичная интерпретация

Институт описывается как частная компания, контролирующая эмиссию и государственную политику в интересах узкого круга владельцев.

Публичный источник интерпретации

Investopedia. *Why Is the Federal Reserve Independent?*

<https://www.investopedia.com/articles/investing/041515/why-federal-reserve-independent.asp> [10]

Корректная рамка интерпретации

Федеральная резервная система имеет смешанную институциональную структуру, однако её полномочия, цели и инструменты деятельности определяются федеральным законом. Следовательно, интерпретации «частной собственности» подменяют юридический статус института категориями корпоративного владения. Наличие квазикорпоративных элементов не означает частного контроля над денежно-кредитной политикой.

Кейс 5.2.2. Управление активами как основание интерпретаций о владении и контроле

Факт

Управляющие компании оказывают услугу доверительного управления активами клиентов через фонды и иные финансовые инструменты; юридическое право собственности на активы и режим голосующих прав определяются структурой инструмента и применимым регулированием.

Статус факта

Финансово-институциональный факт.

Первоисточник факта

BlackRock. *About Us*.

<https://www.blackrock.com/corporate/about-us> [11]

Распространённая публичная интерпретация

Управление активами интерпретируется как прямое владение компаниями и возможность определять политические и экономические решения.

Публичный источник интерпретации

Investopedia. *Assets Under Management (AUM)*.

<https://www.investopedia.com/terms/a/aum.asp> [12]

Корректная рамка интерпретации

Управление активами не тождественно собственности. Управляющая компания действует в рамках фидуциарных обязанностей и регуляторных ограничений, не обладая суверенным контролем над активами клиентов или управляемыми организациями.

Кейс 5.2.3. Независимость центрального банка как «отсутствие подотчётности»

Факт

Центральные банки могут обладать институциональной независимостью, при этом они сохраняют режимы отчётности и подотчётности перед представительными органами.

Статус факта

Институционально-правовой факт.

Первоисточник факта

European Central Bank. *Accountability*.

<https://www.ecb.europa.eu/ecb/our-values/accountability/html/index.en.html> [13]

Распространённая публичная интерпретация

Независимость трактуется как отсутствие контроля и невозможность демократической оценки действий института.

Публичный источник интерпретации

Investopedia. *Why Is the Federal Reserve Independent?*

<https://www.investopedia.com/articles/investing/041515/why-federal-reserve-independent.asp> [10]

Корректная рамка интерпретации

Институциональная независимость означает ограничение прямого политического вмешательства в оперативные решения, но не исключает отчётности, публичного обоснования политики и процедур подотчётности.

Кейс 5.2.4. Доля собственности как прямой эквивалент управленческого контроля

Факт

В корпоративном управлении экономическая доля участия (equity stake) и контроль через голосующие права могут не совпадать; в частности, при разных классах акций (dual-class) распределение голосов может закреплять контроль при меньшей экономической доле.

Статус факта

Корпоративно-правовой и финансовый факт.

Первоисточник факта

Investopedia. *Dual Class Stock*.

<https://www.investopedia.com/terms/d/dualclassstock.asp> [14]

Распространённая публичная интерпретация

Любая значимая доля или участие через фонды трактуются как прямое управление компанией «по умолчанию».

Публичный источник интерпретации

Reuters. *Starboard proposes that News Corp eliminates dual-class shares (09.09.2024)*.

<https://www.reuters.com/business/media-telecom/starboard-proposes-eliminate-news-corps-dual-class-sh...> [15]

Корректная рамка интерпретации

Для корректных выводов необходимо различать экономический интерес (equity) и контроль через голосующие права и корпоративное управление. Подмена метрики «доля» метрикой «контроль» является типовым источником неверных интерпретаций.

Переходя от институтов к праву, важно учитывать, что нормативные тексты по своей природе условны: они задают режимы, процедуры и исключения. В публичной коммуникации именно условность и процедурность часто исчезают, что создаёт почву для универсализированных трактовок.

5.3. Право и нормы

Кейс 5.3.1. Правовая оговорка как универсальная гарантия или универсальное ограничение

Факт

Международные правовые акты могут предусматривать режим временного отступления от отдельных обязательств при чрезвычайных обстоятельствах при соблюдении установленных условий, процедур и уведомительных требований.

Статус факта

Нормативно-правовая норма.

Первоисточник факта

European Convention on Human Rights, Article 15.

https://www.echr.coe.int/documents/convention_eng.pdf [16]

Распространённая публичная интерпретация

Режим derogation трактуется либо как безусловный «щит» (все права сохраняются при любых обстоятельствах), либо как универсальный механизм «приостановления прав» без учёта процедур и ограничений.

Публичный источник интерпретации

European Court of Human Rights. *Factsheet: Derogation in time of emergency* (публичное разъяснение режима derogation и его процедурных условий).

https://www.echr.coe.int/documents/fs_derogation_eng.pdf [17]

Корректная рамка интерпретации

Правовые оговорки действуют строго в пределах установленных условий и процедур. Методологически корректное чтение требует удерживать границы применимости нормы и различать режим временного отступления и отмену правового порядка. Они не отменяют систему прав в целом и не образуют универсальных гарантий или универсальных ограничений вне конкретного правового режима.

Кейс 5.3.2. Презумпция невиновности как «гарантия отсутствия мер до приговора»

Факт

Презумпция невиновности означает, что обвиняемый считается невиновным до доказательства вины согласно закону.

Статус факта

Нормативно-правовой принцип.

Первоисточник факта

European Union Agency for Fundamental Rights. *European Convention on Human Rights* — Article 6.

<https://fra.europa.eu/en/law-reference/european-convention-human-rights-article-6> [18]

Распространённая публичная интерпретация

Принцип трактуется как запрет на любые процессуальные меры до вынесения приговора или как «гарантия», исключающая юридические ограничения в ходе расследования.

Публичный источник интерпретации

Fair Trials. *The Presumption of Innocence*.

<https://www.fairtrials.org/the-right-to-a-fair-trial/the-presumption-of-innocence/> [19]

Корректная рамка интерпретации

Презумпция невиновности относится к стандартам доказывания и обращению с обвиняемым, но не означает отсутствия любых процессуальных мер. Конкретные ограничения допускаются в рамках законных процедур и под судебным контролем.

Кейс 5.3.3. Процессуальные гарантии как универсальный иммунитет от правоприменения

Факт

Право на справедливое судебное разбирательство включает набор гарантий процесса, обеспечивающих надлежащую процедуру и контроль.

Статус факта

Нормативно-правовая норма.

Первоисточник факта

European Court of Human Rights. *Convention (ENG)* — Article 6.

https://www.echr.coe.int/documents/d/echr/convention_ENG [20]

Распространённая публичная интерпретация

Процессуальные права интерпретируются как «универсальная защита», якобы делающая невозможным применение мер и решений до завершения всех стадий процесса вне зависимости от режима.

Публичный источник интерпретации

ECHR Knowledge Sharing. *Key Theme — Presumption of innocence* (31.08.2025).

<https://ks.echr.coe.int/documents/d/echr-ks/presumption-of-innocence> [21]

Корректная рамка интерпретации

Процессуальные права задают стандарты процедуры и контроля, но не превращаютсяся автоматически в универсальный иммунитет. Корректная интерпретация требует различать стандарт процесса и результат рассмотрения.

В научно-технических кейсах якорная функция факта усиливается «аурой объективности»: числа, определения и протоколы воспринимаются как самоочевидные доказательства. Это повышает риск подмены уровня объяснения и переноса доверия к методу на невыводимые из него утверждения.

5.4. Наука, техника, стандарты

Кейс 5.4.1. Астрономическая величина как основание универсализированных выводов

Факт

Сидерический лунный месяц — это среднее время обращения Луны относительно неподвижных звёзд; его величина используется в астрономических расчётах.

Статус факта

Научно-учебный факт.

Первоисточник факта

Encyclopaedia Britannica. *Sidereal month*.

<https://www.britannica.com/science/sidereal-month> [22]

Распространённая публичная интерпретация

Несоответствие между астрономическими величинами и календарными единицами трактуется как свидетельство «ошибочности» или «искусственности» календарного счёта. Типовая схема заключается в подмене уровней: календарный месяц понимается как прямое отражение одного астрономического цикла, из чего делаются обобщающие выводы о «неестественности» календаря.

Публичный источник интерпретации

EarthSky. *What are the phases of the Moon?*

<https://earthsky.org/astronomy-essentials/moon-phases/> [23]

Корректная рамка интерпретации

Календарные системы представляют собой социально-астрономические компромиссы, предназначенные для согласования различных циклов и практических нужд. Они не обязаны точно воспроизводить отдельную астрономическую величину.

Кейс 5.4.2. Календарная реформа как объект интерпретаций о социальном контроле

Факт

Григорианская реформа календаря вводилась как административно-научная корректировка юлианского календаря для согласования календарных дат с астрономическим годом и календарной пасхалией.

Статус факта

Историко-научный и административный факт.

Первоисточник факта

Encyclopaedia Britannica. *Gregorian calendar*.

<https://www.britannica.com/science/Gregorian-calendar> [24]

Распространённая публичная интерпретация

Эпизод «пропавших дней» интерпретируется как «украденное время» и используется для вывода о целенаправленном «переписывании времени».

Публичный источник интерпретации

Encyclopaedia Britannica. *Ten Days That Vanished: The Switch to the Gregorian Calendar*.

<https://www.britannica.com/story/ten-days-that-vanished-the-switch-to-the-gregorian-calendar> [25]

Корректная рамка интерпретации

Календарные реформы обусловлены необходимостью синхронизации счёта времени с астрономическими циклами и административными практиками и не предполагают скрытых механизмов социального контроля.

Кейс 5.4.3. Технический стандарт как признак скрытой угрозы

Факт

USSD (Unstructured Supplementary Service Data) — протокол сигнализации в мобильных сетях, предназначенный для передачи коротких управляющих команд и взаимодействия с сервисными функциями оператора.

Статус факта

Технический стандарт и сервисная функция.

Первоисточник факта

TechTarget. *USSD (Unstructured Supplementary Service Data)*.

<https://www.techtarget.com/searchmobilecomputing/definition/USSD> [26]

Распространённая публичная интерпретация

Наличие сервисных кодов интерпретируется как свидетельство скрытого слежения или возможности дистанционного взлома устройств.

Публичный источник интерпретации

InfoWorld. *USSD attack on Samsung Android devices can also kill SIM cards* (27.09.2012).

<https://www.infoworld.com/article/2275488/ussd-attack-on-samsung-android-devices-can-also-kill-sim-c...> [27]

Корректная рамка интерпретации

USSD является штатным протоколом мобильной связи. Риски безопасности связаны с конкретными уязвимостями реализации и пользовательскими действиями, а не с самим фактом существования технологии.

Кейс 5.4.4. Статистическая связь как «доказательство причины»

Факт

Корреляция выражает степень статистической связи между переменными и не тождественна причинно-следственной связи.

Статус факта

Научно-учебный факт (статистика и методология интерпретации данных).

Первоисточник факта

Encyclopaedia Britannica. *Correlation*.

<https://www.britannica.com/science/correlation> [28]

Распространённая публичная интерпретация

Наличие статистической связи или ассоциации в исследовании представляется как прямое доказательство причинного воздействия и используется для широких практических выводов.

Публичный источник интерпретации

Time. *Drinking Coffee May Help You Live Longer, Study Says.*

<https://time.com/5326420/coffee-longevity-study/> [29]

Корректная рамка интерпретации

Для наблюдательных исследований и корреляционных связей корректно говорить об ассоциациях и гипотезах о возможных механизмах, но не о доказанной причинности. Переход от статистической связи к причинному утверждению требует отдельной методологической процедуры (контроль смешивающих факторов, дизайн исследования, проверка альтернативных объяснений).

Кейс 5.4.5. «Теория» как синоним недоказанности

Факт

В научной терминологии теория является систематическим, проверяемым и хорошо обоснованным объяснением явлений, а не синонимом догадки.

Статус факта

Научно-учебный факт (эпистемология науки).

Первоисточник факта

LibreTexts. *Hypothesis, Theories, and Laws*.

https://chem.libretexts.org/Bookshelves/Introductory_Chemistry/Introductory_Chemistry

(LibreTexts)/01%3A_The_Chemical_World/1.06%3A_Hypothesis_Theories_and_Laws [30]

Распространённая публичная интерпретация

Слово «теория» используется как обозначение «недоказанного предположения», что позволяет обесценивать объяснительные модели при сохранении видимости научного словаря.

Публичный источник интерпретации

National Academies of Sciences, Engineering, and Medicine. *Evolution Resources*.

<https://www.nationalacademies.org/evolution> [31]

Корректная рамка интерпретации

Корректная рамка требует различать разговорное и научное употребление термина. Теория в науке не является стадией «до доказательства», а описывает тип объяснения, опирающийся на совокупность проверок и согласованных данных.

Кейс 5.4.6. Статистическая значимость как доказательство практической важности

Факт

Статистическая значимость (p-value) характеризует совместимость наблюдаемых данных с нулевой гипотезой при заданных предпосылках и не является мерой величины эффекта или его практической значимости.

Статус факта

Научно-методологический факт.

Первоисточник факта

Boscardin C.K. *How to Use and Report on p-values* (2024) [Электронный ресурс].

<https://pmc.ncbi.nlm.nih.gov/articles/PMC11049675/> [32]

Распространённая публичная интерпретация

Низкий p-value воспринимается как подтверждение «сильного» эффекта или практической эффективности, что позволяет делать обобщающие выводы при минимальной информации

о масштабе результата.

Публичный источник интерпретации

The Journalist's Resource. 5 things journalists should know about statistical significance (23.06.2022).

<https://journalistsresource.org/home/statistical-significance-research-5-things/> [33]

Корректная рамка интерпретации

Корректный вывод требует учитывать размер эффекта, доверительные интервалы и дизайн исследования. Статистическая значимость является сигналом о несовместимости данных с нулевой гипотезой при заданных предпосылках, но не заменяет интерпретацию практического смысла.

В цифровой среде отдельным типом фактов-якорей выступают медийно-платформенные статусы и процедуры. Их социальная значимость связана не с содержанием сообщений, а с институциональными сигналами признания, которые в публичной интерпретации нередко преобразуются в маркеры истинности.

5.5. Медиафакт

Кейс 5.5.1. Платформенная маркировка как заместитель эпистемической проверки

Факт

Цифровые платформы применяют процедурные маркеры статуса аккаунтов (например, верификационные отметки), отражающие прохождение пользователем определённых требований и процедур платформы.

Статус факта

Институционально-сервисный факт.

Первоисточник факта

X Help Center. *About X verified accounts.*

<https://help.x.com/en/managing-your-account/about-x-verified-accounts> [34]

Распространённая публичная интерпретация

Маркировка трактуется как подтверждение истинности публикуемого содержания.

Публичный источник интерпретации

Reuters. *X plays up blue checkmark disclaimer to stave off possible EU fine* (06.06.2025).

<https://www.reuters.com/sustainability/boards-policy-regulation/x-plays-up-blue-checkmark-disclaimer...> [35]

Корректная рамка интерпретации

Платформенный статус не равен верификации содержания. Корректная интерпретация требует различать процедурное подтверждение статуса аккаунта (идентификация/подписка/соответствие правилам) и эпистемическую проверку утверждений, публикуемых в сообщениях.

Кейс 5.5.2. Публикация в СМИ как гарантия истинности

Факт

Редакционные стандарты и процедуры направлены на повышение точности и ответственности, однако сама публикация материала не тождественна установлению истинности всех утверждений как «доказанных фактов».

Статус факта

Медиаинституциональный факт (редакционная практика и стандарты).

Первоисточник факта

Reuters. *Handbook of Journalism* (PDF).

https://www.reuters.com/resources/media/editorial/Reuters_Handbook_of_Journalism.pdf [36]

Распространённая публичная интерпретация

Факт публикации в авторитетном СМИ используется как аргумент истинности: «раз это опубликовано/про это написали — значит, это установлено».

Публичный источник интерпретации

KVS Foundation. *Media Literacy for Adults* (2020) — фиксируется распространённая установка, что сам факт публикации воспринимается как признак истинности.

https://mediaguide.fi/mediaguide/wp-content/uploads/2020/08/KVS_media_guide_web_2020.pdf [47]

Корректная рамка интерпретации

Публикация повышает социальный статус сообщения, но не заменяет проверку уровня доказательности, жанра и источников. Для критического чтения важно различать сообщение о факте, интерпретацию, оценку и пересказ чужих утверждений. В качестве практического ориентира могут выступать базовые вопросы оценки источника и содержания, применяемые в медийной грамотности.

<https://americanpressinstitute.org/six-critical-questions-can-use-evaluate-media-content/> [37]

Кейс 5.5.3. «Закрытый документ» как доказательство истинности

Факт

Ограничение доступа к отдельным документам применяется по установленным процедурным основаниям (в том числе сроки закрытия, режимы хранения, защита персональных данных и иные предусмотренные правилами причины).

Статус факта

Административно-процедурный факт.

Первоисточник факта

UK Government. *Retention and disposal of records*

<https://www.gov.uk/government/publications/retention-and-disposal-of-records> [38]

Распространённая публичная интерпретация

Закрытость трактуется как подтверждение скрываемой истины.

Публичный источник интерпретации

Associated Press. *Newly released JFK assassination files reveal more about CIA but don't yet point to conspiracies.*

<https://apnews.com/article/4e82e40715312f68b4f1f0d0592a8c42> [39]

Корректная рамка интерпретации

Ограничение доступа не является индикатором истинности содержания.

Кейс 5.5.4. Псевдоэтиология как доказательство скрытого смысла

Факт

Этимология изучает происхождение слов и их исторические изменения; выводы об этимологии опираются на проверяемые данные (письменные источники, фонетические закономерности, сравнение родственных языков) и принятые методы исторической лингвистики.

Статус факта

Лингвистический научный факт.

Первоисточник факта

Encyclopaedia Britannica. *Etymology*.

<https://www.britannica.com/topic/etymology> [40]

Распространённая публичная интерпретация

Созвучие слов или фрагментов слов используется как доказательство скрытых связей, намерений или «истинного смысла» понятий, без обращения к историко-лингвистическим данным.

Публичный источник интерпретации

The New Inquiry. *Folk Etymologies* (22.06.2023) — популярное объяснение устойчивости псевдоэтимологических интерпретаций в массовой культуре.

<https://thenewinquiry.com/folk-etymologies/> [46]

Корректная рамка интерпретации

Созвучие и ассоциативные совпадения не являются доказательством исторической, смысловой или причинной связи. Корректная интерпретация требует обращения к методам исторической лингвистики и проверяемым источникам; критика «народной этимологии» как аргумента основана на различении научных и ассоциативных процедур объяснения [41].

6. Типовые формы интерпретационного искажения

На основании проведённого фокусированного обзора можно выделить ряд устойчивых форм интерпретационного искажения, воспроизводящихся в публичной цифровой коммуникации независимо от тематического поля и конкретных источников [42; 45]. Речь идёт не об ошибках отдельных интерпретаторов, а о повторяющихся социальных механизмах обращения с фактами, укоренённых в медиаэтикалике и институциональном доверии.

Подмена статуса.

Факт, имеющий декларативный, рекомендательный или аналитический характер, интерпретируется как юридически учредительный или нормативно обязательный. В результате документ или высказывание начинают функционировать как основание для выводов, выходящих за пределы их формального мандата.

Подмена причинности.

Наличие связи, упоминания или участия в процессе трактуется как достаточное основание для вывода о причинном контроле или намеренном воздействии. Факт соотнесённости подменяет анализ причинно-следственных связей.

Подмена метрики.

Количественные или функциональные показатели (управление, участие, доля, масштаб) интерпретируются как признаки владения, суверенного контроля или принятия решений. Изменение уровня измерения остаётся неосознанным в публичном рассуждении.

Аргумент от секретности.

Ограниченный доступ к информации или сложность её проверки используется как

подтверждение истинности интерпретации. Отсутствие открытых данных интерпретируется не как эпистемическое ограничение, а как признак сокрытия.

Псевдоэтиология и символическая доказательность.

Созвучие терминов, символические совпадения или визуальные элементы используются как доказательства происхождения, скрытых связей или намерений, не опираясь на институциональные или научные критерии.

Универсализация.

Частный факт, действующий в определённых условиях или временных рамках, распространяется на все контексты и ситуации. Условность факта исчезает, уступая месту всеобъемлющему выводу.

Скрытие условий.

Оговорки, исключения и процедурные требования опускаются или маргинализируются, что позволяет представить норму как безусловную. Факт теряет контекст применения и становится универсальным аргументом.

Подмена функции угрозой.

Штатная функция, технический стандарт или административная процедура интерпретируются как инструмент умышленного воздействия или контроля. Функциональное назначение вытесняется нарративом угрозы.

Для навигации по материалу соотнесём типовые формы интерпретационного искажения с кейсами раздела 5: подмена статуса — 5.1.2–5.1.4, 5.5.1; подмена причинности — 5.4.4; подмена метрики — 5.2.2, 5.2.4, 5.4.6; аргумент от секретности — 5.5.3; псевдоэтиология — 5.5.4; универсализация — 5.4.1–5.4.2; скрытие условий — 5.3.1–5.3.3; подмена функции угрозой — 5.4.3.

Выделенные формы интерпретационного искажения образуют аналитическую матрицу, позволяющую рассматривать отдельные кейсы не изолированно, а как проявления общих социальных механизмов. Это, в свою очередь, создаёт основу для практического анализа публичных интерпретаций фактов.

7. Практический социологический вывод

7.1. Как читать публичные интерпретации фактов

С социологической точки зрения анализ публичных интерпретаций фактов предполагает перенос внимания с проверки истинности отдельных утверждений на реконструкцию логики их использования [42; 43]. Ключевым аналитическим шагом является различение уровня факта и уровня вывода. Вопрос заключается не в том, является ли исходный факт проверяемым, а в том, какие интерпретационные операции совершаются при переходе от факта к обобщающему утверждению.

Практика чтения публичных интерпретаций может быть выстроена вокруг последовательных вопросов: каков статус факта; в каком институциональном контексте он был произведён; какие условия и ограничения заданы первоисточником; какие дополнительные смысловые элементы добавляются в процессе интерпретации. Такой подход позволяет выявить моменты, в которых социальный статус факта начинает выполнять легитимирующую функцию, подменяя собой аргументацию.

Особое внимание следует уделять случаям, когда ссылка на авторитет источника используется вместо анализа содержания. В этих ситуациях доверие к институту или документу переносится на вывод, не прошедший логическую или методологическую проверку.

7.2. Точки возникновения социальной подмены

Социальная подмена возникает в тех точках публичного рассуждения, где разрывается связь между фактом и условиями его применимости. Наиболее типичными являются переходы от описания к объяснению, от объяснения к оценке и от частного к универсальному. Именно в этих переходах факт утрачивает контекст и превращается в универсальный аргумент.

Дополнительным фактором является медиалогика упрощения, ориентированная на сокращение когнитивных усилий аудитории. Сложные институциональные, правовые и научные конструкции редуцируются до легко узнаваемых маркеров достоверности.

С практической точки зрения выявление таких точек подмены позволяет не столько опровергать отдельные утверждения, сколько анализировать устойчивые формы социального обращения с фактами.

8. Заключение

В статье предпринят фокусированный социологический анализ того, каким образом проверяемые факты функционируют в публичной цифровой коммуникации как социальные якоря доверия [42–45]. Показано, что устойчивость и институциональный статус факта позволяют использовать его не только как элемент описания реальности, но и как ресурс легитимации интерпретаций, выходящих за пределы содержания первоисточника.

На материале типовых кейсов продемонстрировано, что интерпретационные искажения представляют собой воспроизведимые социальные механизмы, укоренённые в институциональном доверии, медиалогике упрощения и символическом капитале факта.

Вклад статьи заключается в аналитическом разведении уровня факта, уровня его социального статуса и уровня интерпретации. Такое разведение позволяет выйти за рамки бинарной оппозиции «достоверно — недостоверно» и рассматривать публичные утверждения как результат структурных процессов обращения с знанием.

Ограничения исследования связаны с обзорным форматом: кейсы отобраны как показательные и не претендуют на репрезентативное описание медиапространства; количественная оценка распространённости интерпретаций и анализ субъектов публичной коммуникации намеренно не проводились.

Полученные результаты создают эмпирическую основу для последующей теоретической работы, ориентированной на концептуализацию механизмов интерпретационного расширения и институционального доверия в цифровых средах.

Список источников:

1. Yale Law School. The Avalon Project: The Balfour Declaration (1917) [Электронный ресурс]. URL: https://avalon.law.yale.edu/20th_century/balfour.asp (дата обращения: 23.01.2026).
2. Encyclopaedia Britannica. Balfour Declaration [Электронный ресурс]. URL: <https://www.britannica.com/event/Balfour-Declaration> (дата обращения: 23.01.2026).
3. United Nations Digital Library. Resolution 181 (II) (Future government of Palestine) [Электронный ресурс]. URL: <https://digitallibrary.un.org/record/39153> (дата обращения: 23.01.2026).
4. Encyclopaedia Britannica. United Nations Resolution 181 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.britannica.com/topic/United-Nations-Resolution-181> (дата обращения: 23.01.2026).
5. United Nations. General Assembly of the United Nations: Background information [Электронный ресурс]. URL: <https://www.un.org/en/ga/about/background.shtml> (дата обращения: 23.01.2026).
6. Reuters. UN General Assembly overwhelmingly demands immediate Gaza ceasefire (11.12.2024) [Электронный ресурс]. URL: <https://www.reuters.com/world/middle-east/un-general-assembly-overwhelmingly-demands-immediate-gaza-ceasefire-11122024>

[overwhelmingly-demands-immediate-gaza-...](#) (дата обращения: 23.01.2026).

7. United Nations. Charter of the United Nations [Электронный ресурс]. URL: <https://www.un.org/en/about-us/un-charter> (дата обращения: 23.01.2026).

8. Library of Congress. United Nations resolutions: guide and reference entry [Электронный ресурс]. URL: <https://www.loc.gov/item/2019666159/> (дата обращения: 23.01.2026).

9. Board of Governors of the Federal Reserve System. Structure of the Federal Reserve System [Электронный ресурс]. URL: <https://www.federalreserve.gov/aboutthefed/structure-federal-reserve-system.htm> (дата обращения: 23.01.2026).

10. Investopedia. Why Is the Federal Reserve Independent? [Электронный ресурс]. URL: <https://www.investopedia.com/articles/investing/041515/why-federal-reserve-independent.asp> (дата обращения: 23.01.2026).

11. BlackRock. About Us [Электронный ресурс]. URL: <https://www.blackrock.com/corporate/about-us> (дата обращения: 23.01.2026).

12. Investopedia. Assets Under Management (AUM) [Электронный ресурс]. URL: <https://www.investopedia.com/terms/a/aum.asp> (дата обращения: 23.01.2026).

13. European Central Bank. Accountability [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ecb.europa.eu/ecb/our-values/accountability/html/index.en.html> (дата обращения: 23.01.2026).

14. Investopedia. Dual Class Stock [Электронный ресурс]. URL: <https://www.investopedia.com/terms/d/dualclassstock.asp> (дата обращения: 23.01.2026).

15. Reuters. Starboard proposes that News Corp eliminates dual-class shares (09.09.2024) [Электронный ресурс]. URL: <https://www.reuters.com/business/media-telecom/starboard-proposes-eliminate-news-corps-dual-class-sh...> (дата обращения: 23.01.2026).

16. Council of Europe. European Convention on Human Rights (Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms) [Электронный ресурс]. URL: https://www.echr.coe.int/documents/convention_eng.pdf (дата обращения: 23.01.2026).

17. European Court of Human Rights. Factsheet: Derogation in time of emergency [Электронный ресурс]. URL: https://www.echr.coe.int/documents/fs_derogation_eng.pdf (дата обращения: 23.01.2026).

18. European Union Agency for Fundamental Rights. European Convention on Human Rights — Article 6 [Электронный ресурс]. URL: <https://fra.europa.eu/en/law-reference/european-convention-human-rights-article-6> (дата обращения: 23.01.2026).

19. Fair Trials. The Presumption of Innocence [Электронный ресурс]. URL: <https://www.fairtrials.org/the-right-to-a-fair-trial/the-presumption-of-innocence/> (дата обращения: 23.01.2026).

20. European Court of Human Rights. Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms (Convention_ENG) [Электронный ресурс]. URL: https://www.echr.coe.int/documents/d/echr/convention_ENG (дата обращения: 23.01.2026).

21. European Court of Human Rights Knowledge Sharing. Key Theme — Presumption of innocence [Электронный ресурс]. URL: <https://ks.echr.coe.int/documents/d/echr-ks/presumption-of-innocence> (дата обращения: 23.01.2026).

22. Encyclopaedia Britannica. Sidereal month [Электронный ресурс]. URL: <https://www.britannica.com/science/sidereal-month> (дата обращения: 23.01.2026).

23. EarthSky. Moon phases [Электронный ресурс]. URL: <https://earthsky.org/astronomy-essentials/moon-phases/> (дата обращения: 23.01.2026).
24. Encyclopaedia Britannica. Gregorian calendar [Электронный ресурс]. URL: <https://www.britannica.com/science/Gregorian-calendar> (дата обращения: 23.01.2026).
25. Encyclopaedia Britannica. Ten Days That Vanished: The Switch to the Gregorian Calendar [Электронный ресурс]. URL: <https://www.britannica.com/story/ten-days-that-vanished-the-switch-to-the-gregorian-calendar> (дата обращения: 23.01.2026).
26. TechTarget. USSD (Unstructured Supplementary Service Data) [Электронный ресурс]. URL: <https://www.techtarget.com/searchmobilecomputing/definition/USSD> (дата обращения: 23.01.2026).
27. InfoWorld. USSD attack on Samsung Android devices can also kill SIM cards (27.09.2012) [Электронный ресурс]. URL: <https://www.infoworld.com/article/2275488/ussd-attack-on-samsung-android-devices-can-also-kill-sim-c...> (дата обращения: 23.01.2026).
28. Encyclopaedia Britannica. Correlation [Электронный ресурс]. URL: <https://www.britannica.com/science/correlation> (дата обращения: 23.01.2026).
29. Time. Drinking Coffee May Help You Live Longer, Study Says [Электронный ресурс]. URL: <https://time.com/5326420/coffee-longevity-study/> (дата обращения: 23.01.2026).
30. LibreTexts. Hypothesis, Theories, and Laws [Электронный ресурс]. URL: [https://chem.libretexts.org/Bookshelves/Introductory_Chemistry/Introductory_Chemistry_\(LibreTexts\)/01%3A_The_Chemical_World/1.06%3A_Hypothesis_Theories_and_Laws](https://chem.libretexts.org/Bookshelves/Introductory_Chemistry/Introductory_Chemistry_(LibreTexts)/01%3A_The_Chemical_World/1.06%3A_Hypothesis_Theories_and_Laws) (дата обращения: 23.01.2026).
31. National Academies of Sciences, Engineering, and Medicine. Evolution Resources [Электронный ресурс]. URL: <https://www.nationalacademies.org/evolution> (дата обращения: 23.01.2026).
32. Boscardin C.K. How to Use and Report on p-values. 2024 [Электронный ресурс]. URL: <https://pmc.ncbi.nlm.nih.gov/articles/PMC11049675/> (дата обращения: 23.01.2026).
33. The Journalist's Resource. 5 things journalists should know about statistical significance [Электронный ресурс]. URL: <https://journalistsresource.org/home/statistical-significance-research-5-things/> (дата обращения: 23.01.2026).
34. X Help Center. About X verified accounts [Электронный ресурс]. URL: <https://help.x.com/en/managing-your-account/about-x-verified-accounts> (дата обращения: 23.01.2026).
35. Reuters. X plays up blue checkmark disclaimer to stave off possible EU fine, source says (06.06.2025) [Электронный ресурс]. URL: <https://www.reuters.com/sustainability/boards-policy-regulation/x-plays-up-blue-checkmark-disclaimer...> (дата обращения: 23.01.2026).
36. Reuters. Handbook of Journalism (PDF) [Электронный ресурс]. URL: https://www.reuters.com/resources/media/editorial/Reuters_Handbook_of_Journalism.pdf (дата обращения: 23.01.2026).
37. American Press Institute. Six questions that will tell you what media to trust [Электронный ресурс]. URL: <https://americanpressinstitute.org/six-critical-questions-can-use-evaluate-media-content/> (дата обращения: 23.01.2026).
38. UK Government. Retention and disposal of records [Электронный ресурс]. URL: <https://www.gov.uk/government/publications/retention-and-disposal-of-records> (дата обращения: 23.01.2026).
39. Associated Press. Newly released JFK assassination files reveal more about CIA but don't yet

- point to conspiracies [Электронный ресурс]. URL: <https://apnews.com/article/4e82e40715312f68b4f1f0d0592a8c42> (дата обращения: 23.01.2026).
40. Encyclopaedia Britannica. Etymology [Электронный ресурс]. URL: <https://www.britannica.com/topic/etymology> (дата обращения: 23.01.2026).
41. Linguistic Society of America. Etymology myths [Электронный ресурс]. URL: <https://www.linguisticsociety.org/resource/etymology-myths> (дата обращения: 23.01.2026).
42. Berger P. L., Luckmann T. The Social Construction of Reality: A Treatise in the Sociology of Knowledge. New York: Anchor Books, 1966. [Электронный ресурс]. URL: <https://archive.org/details/socialconstructi0000berg> (дата обращения: 23.01.2026).
43. Bourdieu P. The Forms of Capital. In: Richardson J. G. (ed.). Handbook of Theory and Research for the Sociology of Education. New York: Greenwood Press, 1986. P. 241–258. [Электронный ресурс]. URL: https://www.columbia.edu/~cs2035/Bourdieu_Forms_of_Capital.pdf (дата обращения: 23.01.2026).
44. OECD. Levels of trust in public institutions (Government at a Glance 2025): definition of trust [Электронный ресурс]. URL: https://www.oecd.org/en/publications/2025/06/government-at-a-glance-2025_70e14c6c/full-report/levels... (дата обращения: 23.01.2026).
45. Giddens A. The Consequences of Modernity. Cambridge: Polity Press, 1990. [Электронный ресурс]. URL: <https://archive.org/details/consequencesofmo00anth> (дата обращения: 23.01.2026).
46. The New Inquiry. Folk Etymologies (22.06.2023) [Электронный ресурс]. URL: <https://thenewinquiry.com/folk-etymologies/> (дата обращения: 23.01.2026).
47. KVS Foundation. Media Literacy for Adults. 2020 [Электронный ресурс]. URL: https://mediaguide.fi/mediaguide/wp-content/uploads/2020/08/KVS_media_guide_web_2020.pdf (дата обращения: 23.01.2026).

Современная тенденция производства судебных строительно-технических экспертиз, связанных с самовольным строительством на территории Краснодарского края

Евтых Аскер Адамович

Аспирант КубГТУ,

РФ, г. Краснодар

Соловьева Екатерина Владимировна,

Научный руководитель

д. э. н., профессор кафедры технологии, организации,

экономики строительства и управления недвижимостью КубГТУ,

РФ, г. Краснодар

Аннотация: в данной статье отражено фактическое изменение организации и производства судебных строительно-технических экспертиз в рамках государственных судебно-экспертных учреждений, а именно ФБУ Краснодарская ЛСЭ Минюста России, судами общей юрисдикции и Арбитражным судом на территории Краснодарского края. В связи с увеличением объемов работ увеличиваются сроки производства судебных споров, связанных с самовольным строительством. Рассмотрены варианты улучшения качества организации и производства судебных строительно-технических экспертиз, связанных с самовольным строительством.

Ключевые слова: судебная экспертиза, строительно-техническая экспертиза, государственные судебно-экспертные учреждения, высшие учебные заведения.

Evtykh A.A. The current trend in the production of forensic construction and technical examinations related to unauthorized construction in the Krasnodar Territory

Annotation: this article reflects the actual change in the organization and production of judicial construction and technical examinations within the framework of state forensic expert institutions, namely the Krasnodar LSE of the Ministry of Justice of Russia, the courts of general jurisdiction and the Arbitration Court in the Krasnodar Territory. Due to the increase in the volume of work, the time for the production of legal disputes related to unauthorized construction is increasing. Options for improving the quality of organization and production of judicial construction and technical examinations related to unauthorized construction are considered.

Keywords: forensic examination, construction and technical expertise, state forensic expert institutions, higher educational institutions.

Согласно статье 9 Федерального закона от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» под судебной экспертизой понимается «предусмотренное законодательством Российской Федерации о судопроизводстве процессуальное действие, включающее в себя проведение исследований и дачу заключения экспертом по вопросам, требующим специальных знаний в области науки, техники, искусства или ремесла». Данное определение имеет отражение в пункте 1 статьи 79 ГПК РФ, в пункте 1 статьи 82 АПК РФ, а также в пункте 2 статьи 195 УПК РФ.

Говоря, о судебной строительно-технической экспертизе, следует понимать, что данный вид судебной экспертизы проводится в рамках разрешения вопросов, требующий специальных знаний в области строительства, а именно проектирования, выполнения строительно-монтажных

и ремонтно-строительных работ, эксплуатацию и обслуживание зданий, строений и сооружений от некапитальных объектов (временных зданий и сооружений) до особо опасных, технически сложных и уникальных объектов капитального строительства.

Группы судебных строительно-технических экспертиз согласно трудам Сухонской К.Т., Фёдоровой М.Ю., Абанкина А.Д., Карпика И.С. [9], а также Котельникова М.А. [11], включает в себя классификационные; диагностические; каузальные; нормативистские; преобразовательные; стоимостные.

Группировка судебных строительно-технических экспертиз по мнению Харченко В.Б. и Иванова Д.В. [10] представляет собой следующее:

1. Вопросы, связанные с установлением механизма и физики процессов, а также причин различного рода аварий и аварийных ситуаций, имевших место в процессе строительства, реконструкции, эксплуатации зданий и сооружений.

2. Установление соответствия исследуемого здания, сооружения, используемых материалов, проводимых работ и т. д. требованиям нормативно-технической и договорной документации.

3. Определение стоимостных характеристик. Стоимость строительства, реконструкции, восстановительного ремонта и т. д.

Фактическое применение судебной строительно-технической экспертизы, оказывающее содействия судам, судьям, органам дознания, лицам, производящим дознание, следователям в установлении обстоятельств, подлежащих доказыванию по конкретному делу (статья 2 Федерального закона от 31 мая 2001 г. N 73-ФЗ), решает ряд конкретных задач:

— анализ документации в области строительства (исследования проектной, рабочей и сметной документации нормативным требованиям, предъявляемым к аналогичной документации);

— определение соответствия результатов строительных работ в виде зданий, строений и сооружений нормативным требованиям в части градостроительства, объемно-планировочных, архитектурных, конструктивных и технологических решений, инженерно-технического обеспечения, организации строительства, а также мероприятия по охране окружающей среды, по обеспечению пожарной безопасности, обеспечению безопасной эксплуатации объекта, по обеспечению доступа инвалидов к объекту (указанные разделы предусмотрены Постановлением Правительства РФ от 16.02.2008 N 87);

— определение стоимости фактически выполненных строительно-монтажных и ремонтно-строительных работ одним из участников строительства (пункт 3.2 СП 48.13330.2019);

— определение качества строительства, выявления дефектов, причин их возникновения, а также стоимости их устранения;

— определение технического состояния зданий, сооружений и строений и их отдельных конструкций, в том числе определение причин разрушения строительных объектов и их отдельных конструкций;

— определение технической возможности реального раздела или определения порядка пользования зданиями и сооружениями, а также земельными участками, на которых они расположены;

— определение причин и обстоятельств аварий на строительных объектах.

В заключении эксперта, подготовленном по результатам судебной строительно-технической экспертизы, содержатся ответы на поставленные судом вопросы, а также выводы и рекомендации, необходимые для принятия обоснованного решения.

Количество результатов строительства растет на территории Российской Федерации, это связано с ежегодным ростом экономики. Судебная строительно-техническая экспертиза является одним из основных механизмов решения споров в судах общей юрисдикции и в Арбитражном суде, ввиду приоритетного доказательства по делу. При реализации судебных строительно-технических экспертиз имеется как положительный эффект, так и негативный. Положительный эффект при надлежащем качестве и сроках производства судебной экспертизы связан с решением спора между сторонами, состязающихся в судопроизводстве, который сопровождается определением истинных (достоверных и подлинных) обстоятельств при рассмотрении конкретного спора. Негативный эффект проявляется в основном в искажении действительности за счет низкой компетенции судебных экспертов, отсутствия необходимой нормативно-правовой базы и методологии для конкретного подвида строительно-технических экспертиз, недостаточности исходных данных, на основании которых выполняются исследования, организации натурных исследований: отсутствия доступа к объектам исследования, сопровождающие отсутствием объекта или экономической целесообразностью доступа к конкретным частям объекта исследования; что влечет за собой увеличение срока рассмотрения спора между противоборствующими сторонами.

Негативные эффекты зачастую присутствуют в современной практике судопроизводства в Российской Федерации и замедляют темпы рассмотрения судебных споров. В связи с этим современная тенденция производства строительно-технических экспертиз нуждается в периодической модернизации для усовершенствования, как и самих исследований, так и судопроизводства в целом.

До введения в действие Распоряжения Правительства РФ от 31 октября 2023 г. N 3041-р, судебные строительно-технические экспертизы, связанные с самовольным строительством, рассматривались как государственными судебно-экспертными учреждениями (СЭУ), так и негосударственными (частными). В 2023 году в системе судебно-экспертных учреждений Министерства юстиции Российской Федерации (СЭУ Минюста России) насчитывалось 62 учреждения. Эта система включает в себя: Федеральное бюджетное учреждение «Российский федеральный центр судебной экспертизы», 9 региональных центров судебной экспертизы, 52 судебно-экспертных учреждения и 27 филиалов. В 2023 году не существует точной официальной статистики по количеству негосударственных судебно-экспертных учреждений в России. В открытых источниках по состоянию на 23.03.2020 г. (выборка сделана на данных базы «Фокус Контур») количество компаний, занимающихся судебно-экспертной деятельностью по коду ОКВЭД 71.20.2 «Судебно-экспертная деятельность», насчитывает 8 599 шт., в том числе в процессе ликвидации или реорганизации в количестве 245 шт. Указанное количество с учетом современной экономической ситуации изменяется в сторону их увеличения в связи с увеличением объема строительства и изменением нормативно-правовой базы, например, градостроительных норм и правил (Правила землепользования и застройки муниципальных образований). Статистические данные выполненных судебных строительно-технических экспертиз в рамках государственных и негосударственных СЭУ для определения пропорций (долей) между СЭУ отсутствуют в открытом доступе. Для определения таких данных необходима систематизация количества рассмотренных дел судами на территории Российской Федерации.

В соответствии с Распоряжением Правительства РФ от 31 октября 2023 г. N 3041-р дополнен перечень видов судебных экспертиз, проводимых исключительно государственными судебно-экспертными организациями, утвержденный распоряжением Правительства Российской Федерации от 16 ноября 2021 г. N 3214-р, разделом VIII следующего содержания: «VIII. Судебные экспертизы по гражданским делам, связанным с самовольным строительством» (Судебная строительно-техническая экспертиза). Государственной судебно-экспертной организацией на территории Краснодарского края является ФБУ Краснодарская ЛСЭ Минюста России.

В связи с увеличением объемов работ в рамках судебной строительно-технической экспертизы увеличился срок производства судебных экспертиз, что подтверждается на практической основе. В соответствии с пунктом 1.1. Приказа Минюста РФ от 20 декабря 2002 г. N 346 «Об утверждении Методических рекомендаций по производству судебных экспертиз в государственных судебно-экспертных учреждениях системы Министерства юстиции Российской Федерации» сроки производства судебных экспертиз устанавливаются руководителем СЭУ при даче соответствующего поручения эксперту (экспертам) в пределах 30 календарных дней.

Современная судебная практика, связанная с рассмотрением самовольного строительства, на территории Российской Федерации отражает многократное увеличение сроков производства судебных экспертиз в связи с увеличением темпов роста строительства и изменения нормативно-правовой базы.

Анализируя фактические обстоятельства на территории Краснодарского края, рассмотрим данное утверждение на примерах.

Согласно сообщению о невозможности своевременного производства экспертизы, составленное ФБУ Краснодарская ЛСЭ Минюста России (исх. № 32393240/5-3 от **24.09.2024 г.**) по делу № 2-4139/2024 экспертиза будет выполнена до **20.06.2026 г.**

Согласно сообщению о невозможности своевременного производства экспертизы, составленное ФБУ Краснодарская ЛСЭ Минюста России (исх. № 2853/5-3 от **16.08.2024 г.**) по делу № 2-3150/2024 экспертиза будет выполнена до **22.11.2025 г.**

В соответствии с Определением Арбитражного суда Краснодарского края от **25.12.2024 г.** по делу А32-30026/2021 экспертное учреждение обратилось с ходатайством о продлении срока проведения судебной экспертизы до **20.04.2028 г.**

Указанные сроки многократно превышают сроки, предусмотренные пунктом 1.1. Приказа Минюста РФ от 20 декабря 2002 г. N 346.

В связи с вышеуказанным увеличивается объем нагрузки судов общей юрисдикции и Арбитражного суда на территории Краснодарского края. Для решения сложившейся ситуации могут быть рассмотрены два варианта решения, отраженной в статье проблемы.

Первый вариант: увеличение штатных единиц ФБУ Краснодарская ЛСЭ Минюста России соразмерно увеличенному объему судебных экспертиз, связанных с самовольным строительством, что технически не представляется возможным исходя из фактической нагрузки на судебную систему.

Второй вариант: привлечение государственных учреждений, имеющих специалистов (экспертов) в области строительства, обладающих специальными знаниями в соответствии со статьями 7 и 14 Федерального закона от 31 мая 2001 г. N 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации». Учебные заведения, безусловно, обладают профильными компетенциями, которые отражают их специализацию и возможности в подготовке специалистов. Профильные компетенции — это набор знаний, умений и навыков, которые учебное заведение целенаправленно развивает у своих студентов в рамках определенной образовательной области. Эти компетенции формируются в соответствии с требованиями рынка труда и конкретными потребностями отраслей, с которыми учебное заведение взаимодействует. Многие учебные заведения имеют профильные специальности и основные дисциплины, которые направлены на профессиональные компетенции, необходимые для освоения профессии судебного эксперта в области строительства. Исходя из этого, наиболее оптимальным и логичным вариантом возможно привлечение экспертов (специалистов) в области строительства, находящихся в штате высших учебных заведений ввиду того, что специальные знания в соответствии с АПК, УПК и ГПК

приобретаются в рамках профильных дисциплин (архитектура, сопротивление материалов, строительная механика и др.).

Нормативные источники:

1. Федеральный закон от 31 мая 2001 г. N 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации».
2. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. N 138-ФЗ.
3. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24 июля 2002 г. N 95-ФЗ.
4. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. N 174-ФЗ.
5. Распоряжения Правительства РФ от 31 октября 2023 г. N 3041-р.
6. Постановление Правительства РФ от 16.02.2008 N 87 «О составе разделов проектной документации и требованиях к их содержанию».
7. Приказ Минюста РФ от 20 декабря 2002 г. N 346 «Об утверждении Методических рекомендаций по производству судебных экспертиз в государственных судебно-экспертных учреждениях системы Министерства юстиции Российской Федерации».
8. Свод правил СП 48.13330.2019 «СНиП 12-01-2004. Организация строительства».

Научные статьи и публикации:

9. Судебная строительно-техническая экспертиза, как род судебных инженерно-технических экспертиз. Сухоносова К.Т., Фёдорова М.Ю., Абанкин А.Д., Карпик И.С. В сборнике: Инновационные научные исследования: теория, методология, практика. сборник статей IX Международной научно-практической конференции: в 2 частях. 2017. С. 116-118.

10. Актуальные вопросы судебных строительно-технических экспертиз. Харченко В.Б., Иванов Д.В. Вопросы экспертной практики. 2019. № S1. С. 669-676.

11. Основные задачи судебной строительно-технической экспертизы. Котельников М.А. E-Scio. 2019. № 6 (33). С. 513-519.

Судебная практика:

12. Сообщение о невозможности своевременного производства экспертизы (исх. № 32393240/5-3 от 24.09.2024 г.).

13. Сообщение о невозможности своевременного производства экспертизы (исх. № 2853/5-3 от 16.08.2024 г.).

14. Определение Арбитражного суда Краснодарского края от 25.12.2024 г. по делу А32-30026/2021.

Интернет-источники:

15. Статья Института судебных экспертиз и криминалистики НОЧУ ДПО «Институт СЭиК» (<https://ceur.ru/library/articles/jeckspertiza/item361229/>).

Евтых Аскер Адамович — преподаватель СПО КубГТУ, негосударственный судебный эксперт со стажем 11 лет.

Evtykh Asker Adamovich — a teacher at the SPO KubSTU, a non-governmental forensic expert with 11 years of experience.

Гравитационные волны как инструмент современной экспериментальной физики

Султан Махсотов
Академия физики города Алматы

Обнаружение гравитационных волн стало одним из важнейших событий в современной физике и окончательно подтвердило предсказания общей теории относительности Альберта Эйнштейна. Гравитационные волны представляют собой колебания пространства-времени, возникающие при ускоренном движении огромных масс, например, при слиянии черных дыр или нейтронных звезд. В отличие от электромагнитных волн, они взаимодействуют с материей в незначительной степени и, следовательно, могут нести информацию из самых отдаленных и экстремальных областей Вселенной.

Интерферометры LIGO и Virgo позволили экспериментально обнаружить гравитационные волны. Их принцип действия по сути связан с измерением очень небольших изменений длины плеч интерферометра, которые возникают в результате прохождения гравитационной волны. Зарегистрированные смещения составляют порядка одной тысячной диаметра протона, что требует сверхвысокой точности измерений с повышенными требованиями к экранированию от внешних помех. Для этой цели применяются вакуумные системы и высокостабильные лазеры со сложными алгоритмами обработки сигналов.

Физическое значение гравитационных волн заключается в том, что они позволяют ученым получать прямые сведения о массивных объектах. Например, ученые могут получить прямые сведения о массе, вращении или расстоянии до источника, исследуя определенные характеристики полученного сигнала. Это привело к появлению новой отрасли астрономии, которую ученые называют гравитационной астрономией. Эта область открывает ученым новые возможности для получения сведений о ненаблюдаемых процессах, включая образование черных дыр или плотные ядерные материалы.

Помимо своей важности в связи с астрофизикой, гравитационные волны являются важными компонентами в проверке физических теорий. Природа и свойства гравитационных волн важны для определения следующего: пределы, в которых мы можем проверять предсказания общей теории гравитации, и отклонения от этих предсказаний, которые могут означать наличие физики за ее пределами; предсказания квантовой гравитации относительно искажения их формы и их возможное обнаружение в попытке «объединить квантовую физику и гравитацию».

Таким образом, гравитационные волны не только подтверждают фундаментальные законы, которым подчиняется природа, но и становятся средством, с помощью которого можно дальше исследовать природу.

Для заметок:

